

Свой теоретический спор о правах наемных работников на Венере, преуспевающий адвокат и его друг перевели в практическую плоскость, поддавшись алкогольному опьянению. Утро они встретили на борту космического корабля, лишённые возможности вновь увидеть свою родную планету...

И, похоже, что навсегда...

fantlab.ru © Sashenka

- [Роберт Хайнлайн](#)

-

Роберт Хайнлайн

Логика империи

— Не будь таким сентиментальным болваном. Сэм!

— Сентиментальный я или нет, — упорствовал Сэм, — но, когда я вижу рабство, я понимаю, что это-рабство. А на Венере царит самое настоящее рабство!

Хэмпфри Уингейт фыркнул.

— Просто смешно! Клиенты Компании — служащие, работающие по законным, добровольно заключенным контрактам.

Джонс удивленно поднял брови.

— В самом деле? Что же это за контракт, на основании которого человека бросают в тюрьму, если он уходит с работы?

— Неверно! Каждый рабочий имеет право уволиться после обычного двухнедельного предупреждения — уж мне ли не знать! Я...

— Да, да, — устало согласился Джонс. — Ты юрист. Тебе все известно насчет контрактов. Но дело в том, глупый ты человек, что все это — только юридическая видимость. Свободный контракт великолепно! А то, о чем говорю я, факты, а не казуистика. Мне безразлично, что написано в контракте, но фактически люди там рабы!

Уингейт осушил свой бокал и поставил его на стол.

— Так что я, по-твоему, круглый дурак? Ну, что же, я скажу тебе, Сэм Хоустон Джонс, кто ты такой: обыкновенный салонный болтун! Тебе никогда в жизни не приходилось зарабатывать на хлеб, и ты находишь просто ужасным, что другому приходится это делать. Нет, погоди минутку, — продолжал он, увидев, что Джонс порывается что-то сказать, — послушай меня. Клиенты Компании на Венере гораздо лучше устроены, чем большинство людей их класса здесь, на Земле. Им обеспечены работа, питание, жилье. Если они заболевают, им оказывается медицинская помощь. Но беда в том, что эти люди не хотят работать...

— А кто хочет работать?

— Не будь смешным. Если бы они не были связаны довольно жестким контрактом, ничто не помешало бы им бросить хорошую работу, как только она им надоест, и потребовать от Компании бесплатного проезда обратно на Землю. Так вот, хоть это и не приходит тебе в голову, в твою благородную, свободолюбивую, милосердную голову, но Компания имеет обязательства по отношению к своим акционерам — к тебе, в частности! — и не может позволить себе гонять туда и обратно межпланетный транспорт для людей, считающих, что мир обязан их содержать.

— Ты убил меня своим сарказмом, дружище, проговорил Джонс, сделав гримасу. — Я стыжусь того, что я акционер.

— Тогда почему же ты не продашь свои акции?

На лице Джонса отразилось негодование.

— Какое же это разрешение вопроса? Ты думаешь, что, спустив свои акции, я могу снять с себя ответственность за то, что мне известно о Венере?

— Да ну их к черту! — воскликнул Уингейт. — Пей!

— Ладно, — согласился Джонс. Это был его первый вечер после возвращения из учебного полета в качестве офицера запаса: теперь надо было наверстывать упущенное.

Скверно, подумал Уингейт, что этот полет привел его именно на Венеру...

«Вставайте! Вставайте! Поднимайтесь! Поднимайтесь, бездельники! Выкатывайтесь

отсюда! Пошевеливайтесь!»

Уингейту показалось, что этот хриплый голос пропиливает насквозь его больную голову. Едва он открыл глаза, как его ослепил резкий свет, и он тут же зажмурился, но голос не собирался оставлять его в покое: «Десять минут до завтрака, — дребезжал он. — Идите, получайте свой завтрак, не то мы его выкинем!»

Уингейт опять открыл глаза и, напрягая всю силу воли, заставил себя поглядеть вокруг. На уровне его глаз двигались ноги, большей частью в обмотках, хотя некоторые босые — то была отталкивающая, обросшая волосами нагота. Неразбериха мужских голосов, в которой он мог уловить отдельные слова, но не фразы, сопровождалась неотвязным аккомпанементом металлических звуков, приглушенных, но проникающих повсюду: шррг, шррг, бомм! Шррг, шррг, бом! Каждое такое «бом» ударяло по его трещавшей от боли голове. Но еще сильнее бил по нервам другой шум — беззвучное жужжание и шипение; он не мог определить, откуда идет этот шум.

Воздух был насыщен запахом человеческих тел, скученных на слишком тесном пространстве. Запах не был настолько отчетлив, чтобы назвать его зловонием, и в воздухе было достаточно кислорода. В помещении ощущался теплый, слегка отдающий мускусом запах тел, все еще согретых постелью, не грязных, но и не свежeweымытых. Это было угнетающе и неаппетитно, а в его нынешнем состоянии почти тошнотворно.

Уингейт мало-помалу начал осматриваться: он находился в каком-то помещении, тесно уставленном койками. Оно было полно народу — мужчин, которые вставали, шлепали ногами по полу, одевались. Уингейт лежал на нижней, первой из четырех узких коек, громоздившихся у стены. Сквозь просветы между ног, двигавшихся мимо его лица, он мог видеть такие же этажи коек вдоль стен, от пола до потолка. Кто-то присел на край койки и, натягивая носки, прижался широкой спиной к его ногам. Уингейт подтянул ноги. Незнакомец повернул к нему лицо.

— Я толкнул вас, голубок? Извините. — Затем добродушно добавил: «Лучше выматывайтесь отсюда. Жандарм будет орать, чтобы все койки были подняты.» Он широко зевнул и встал, уже позабыв об Уингейте и его делах.

— Погодите минутку! — быстро окликнул его Уингейт.

— А?

— Где я? В тюрьме?

Незнакомец с беззлобным интересом пристально посмотрел на залитые кровью глаза Уингейта, на его отекавшее, неумытое лицо.

— Эх, парень-парень, вы, видно, здорово влопались, пропив свои подъемные!

— Подъемные? О чем вы, черт возьми, толкуете?

— Вот еще, господа! Вы что, не знаете, где находитесь?

— Нет.

— Да ведь... — у него, казалось, не было большой охоты говорить о вещах, само собой разумеющихся, однако по лицу Уингейта видно было, что тот действительно ничего не знает. — Что ж, вы на «Вечерней Звезде» летите на Венеру.

Несколько минут спустя незнакомец тронул его за рукав.

— Не огорчайтесь так, голубок. Право же, не стоит так волноваться.

Уингейт отнял руки от лица и прижал их к вискам.

— Не может быть, — сказал он, обращаясь больше к себе, чем к кому-либо другому, — не может быть...

— Да бросьте! Пойдемте, возьмете свой завтрак.

— Я не хочу есть.

— Пустяки. Я понимаю, что с вами происходит... Со мной тоже так бывало. Все же поесть

надо.

Подошедший жандарм разрешил спор, ткнув Уингейта дубинкой в бок.

— Что здесь, по-вашему, лазарет или салон первого класса? Поднимите-ка койки на крюки!

— Потише, начальник, — примирительно сказал новый знакомый Уингейта, — нашему приятелю сегодня не по себе.

Он одной рукой стащил Уингейта с койки и поставил на ноги, а другой поднял койку вверх, плотно прижав ее к стене: крюки щелкнули, и койка закрепилась вдоль стены.

— Ему будет еще больше не по себе, если он вздумает нарушать заведенный порядок, — предупредил унтер-офицер и прошел дальше.

Уингейт неподвижно стоял босиком на плитах холодного пола: его охватило ощущение беспомощности и нерешительности, которое усиливалось оттого, что он был в одном нижнем белье. Его покровитель внимательно разглядывал эту жалкую фигуру.

— Вы забыли свой мешок. Вот... — Он просунул руку в углубление между нижней койкой и стеной и вытащил оттуда плоский пакет из прозрачной пластмассы. Сломав печать, он вынул содержимое — рабочий комбинезон из грубой бумажной ткани. Благодарный Уингейт надел его. — После завтрака добейтесь у надсмотрщика пары башмаков, — добавил его новый друг. — А сейчас нам надо поесть.

Когда они подходили к камбузу, последний из очереди как раз отошел от окошка, и оно захлопнулось. Товарищ Уингейта застучал в него кулаком:

— Откройте!

Окошко с шумом распахнулось.

— Добавок нет! — изрекла появившаяся в просвете физиономия.

Незнакомец просунул в окошко руку, чтобы оно снова не захлопнулось.

— Мы не хотим добавки, друг. — сказал он, — мы еще не начинали.

— Почему же вы, черт подери, не можете являться вовремя? — заворчал человек в камбузе. Все же он кинул на широкий подоконник два порционных пакета. Рослый товарищ Уингейта передал ему пакет и присел прямо на полу, прислоняясь спиной к переборке камбуза.

— Как вас зовут, голубок? — спросил он, раскрывая свой картонный пакет. — Меня — Хартли, Сэтчел Хартли.

— А меня Хэмпфри Уингейт.

— Ладно, Хэмп. Рад с вами познакомиться. Так вот, что это за спектакль вы мне тут устроили? — Он подхватил ложкой огромный кусок яичницы и отпил глоток сладкого кофе из уголка бумажного пакетика.

— Да меня, наверно, напоили и втащили на корабль. — сказал Уингейт, и лицо его исказилось от тревоги. Он попытался выпить кофе, подражая Хартли, но коричневая жидкость вылилась ему на лицо.

— Эй, это не дело! — воскликнул Хартли. — Суньте уголок в рот и не нажимайте, а только сосите. Вот так! — Он продемонстрировал свой метод. Ваша теория звучит для меня не очень убедительно. Компании не приходится вербовать людей обманным путем, когда целые толпы ждут очереди, что бы завербоваться. Что же случилось? Вы не можете вспомнить?

Уингейт попытался это сделать.

— Последнее, что я помню, проговорил он, — это инцидент с пилотом из-за проездной платы.

Хартли кивнул.

— Они всегда мошенничают. Вы полагает, он вас оглушил?

— Ну, нет... вряд ли. Я как будто чувствую себя недурно, если бы не проклятое похмелье...

— Пройдет. Можете быть довольны, что «Вечерняя Звезда» — корабль с большой силой

тяжести, а не траекторная штука. А то бы вы были по-настоящему больны, уж поверьте мне.

— Что это значит?

— А то, что на этом корабле регулируют скорость полета. Им приходится это делать, потому что это пассажирский корабль. Если бы нас послали на транспортном, было бы совсем другое дело. Вами просто-напросто выстреливают, и вы летите по траектории без тяжести весь остальной путь. Вот там новичкам достается! — Он ухмыльнулся.

Уингейт был не в состоянии распространяться насчет каких-нибудь других тяжелых испытаний, кроме тех, что выпали на его долю в данный момент.

— Совершенно не могу себе представить, как я сюда попал, — повторил он. — Вы не думаете, что они могли втащить меня на борт по ошибке, принимая за кого-то другого?

— Не могу сказать. Послушайте, вы не собираетесь кончать свой завтрак?

— Мне хватит.

Хартли воспринял эти слова как приглашение и быстро управился с порцией Уингейта. Потом он встал, скомкал оба картонных пакета и, бросив их в мусоропровод, сказал:

— Что же вы теперь намерены делать?

— Что я намерен делать? — На лице Уингейта появилось выражение решимости. — Я собираюсь отправиться прямо к капитану и потребовать у него объяснений — вот что я намерен делать!

— Я действовал бы осторожнее, Хэмп, — заметил Хартли с сомнением в голосе.

— К черту осторожность! — Уингейт быстро вскочил. — Ох, моя голова!

Чтобы отделаться от лишних хлопот, жандарм направил его к своему начальнику. Хартли ждал вместе с Уингейтом за дверью каюты, чтобы составить ему компанию.

— Вы постарайтесь уладить дело как можно скорее, — посоветовал он.

— Почему?

— Мы через несколько минут остановимся на Луне, чтобы запастись горючим. Эта остановка будет вашим последним шансом выбраться отсюда, если вы, конечно, не захотите идти обратно пешком.

— Я не подумал об этом, — обрадовался Уингейт. — Я считал, что мне при всех условиях придется проделать весь круговой рейс.

— Это было бы вполне возможно; но вы через одну-две недели могли бы захватить на Луне «Утреннюю Звезду». Если они допустили ошибку, им придется вернуть вас обратно на Землю.

— Это уж я устрою, — с воодушевлением сказал Уингейт. — Я пойду в Луна-Сити прямо в банк и поручу снести с моим банком, чтобы получить аккредитив и купить билет на рейс Луна-Земля.

В обращении Хартли произошла еле уловимая перемена. Он никогда в жизни не получал в банке аккредитива. Может быть, такому человеку действительно достаточно пойти к капитану, чтобы добиться своего!

Жандармский офицер слушал историю Уингейта с явным нетерпением и скоро прервал его, чтобы просмотреть список эмигрантов. Проведя пальцем по всему списку до буквы «У», он указал на соответствующую строчку. Уингейт прочитал ее, чувствуя, как у него холодеет сердце. Тут стояло его имя, правильно написанное.

— А теперь уходите, — приказал офицер, — и не отнимайте у меня времени.

Но Уингейт был тверд.

— Этот вопрос не подлежит вашей компетенции, отнюдь нет. Я требую, чтобы вы провели меня к капитану.

— Да вы... — Один момент Уингейту казалось, что этот человек его ударит. Он решил предостеречь его.

— Будьте осторожны. Вы, видно, являетесь жертвой непреднамеренной ошибки, но перед законом ваша позиция будет весьма шаткой, если вы будете игнорировать статьи космического права, на основании которого этот корабль лицензирован. Не думаю, чтобы ваш капитан очень обрадовался, если ему придется давать объяснения по поводу ваших действий в федеральном суде.

Было ясно, что он разозлил этого полицейского. Но человек не становится старшим жандармом, если он подвергает риску своих начальников. По лицу офицера заходили желваки, но он молча нажал кнопку. Появился младший жандарм.

— Проводите этого человека к администратору. — Он повернулся спиной к Уингейту в знак того, что аудиенция окончена, и стал набирать номер по внутреннему телефону.

Уингейта быстро пропустили к администратору, который одновременно являлся коммерческим агентом Компании.

— Что произошло? — спросил администратор. — Если у вас есть жалоба, почему вы не можете подать ее в обычном порядке на утреннем приеме?

Уингейт объяснил свое дело насколько мог ясно и убедительно.

— Итак, — сказал он в заключение, — я хочу, чтобы меня высадили в Луна-Сити. У меня нет никакой охоты доставлять Компании какие-либо неприятности из-за того, что, несомненно, явилось следствием моей собственной непредумышленной ошибки. Тем более — я вынужден это признать возлияния в этот вечер были довольно обильны, и, возможно, в какой-то степени я сам был виной недоразумения.

Рассеянно выслушавший его администратор ничего не ответил. Он стал рыться в возвышавшейся на одном конце стола грудке папок, вынул одну и раскрыл. Перед ним лежала пачка официальных бумаг стандартного размера, скрепленных в верхнем углу. Несколько минут он внимательно изучал их. Уингейт ждал. Астматическое дыхание администратора с шумом вырывалось из его легких, и он то и дело постукивал ногтями по зубам. Уингейт сказал себе, что, если этот человек еще хоть раз протянет руку ко рту, он, Уингейт, завопит и начнет швырять вещи на пол. В это момент администратор бросил ему через стол папку.

— Взгляните сюда, — сказал он.

Уингейт увидел, что одна из бумаг — это контракт между Хэмпфри Уингейтом и Компанией по эксплуатации Венеры сроком на шесть лет, оформленный по всем правилам.

— Это ваша подпись? — спросил администратор. Профессиональная осторожность Уингейта сослужила ему хорошую службу. Желая выиграть время, он тщательно изучал подпись и старался овладеть собой.

— Что ж, — сказал он наконец. — Я согласен, что эта подпись очень похожа на мою, но я не признаю, что это — моя подпись. Я не графолог.

У администратора вырвался жест досады.

— У меня нет времени препираться с вами. Давайте проверим отпечаток пальца. Вот! — Он кинул через стол полоску бумаги для оттиска. Уингейт хотел было воспользоваться своим законным правом и отказаться... нет, это ему только повредило бы. Терять было нечего — на контракте не могло быть отпечатка его пальца. Если только не...

Но все было именно так. Даже своим неопытным глазом он видел, что оба оттиска тождественны. Он поборол охватившую его панику. Может быть, все это кошмар, вызванный его вчерашним спором с Джонсом? А если не кошмар, а явь, то не мистификация ли это, которую он должен раскрыть... Но людей его класса не мистифицируют; вся эта история слишком смехотворна. Он осторожно подбирал слова:

— Я не хочу оспаривать вашу позицию, мой дорогой сэр. Некоторым образом мы оба, вы и я, стали жертвой достойной сожаления шутки. Вряд ли приходится доказывать, что у человека в

бессознательном состоянии, в каком я, очевидно, вчера находился, могли взять оттиск пальца без его ведома. С первого взгляда контракт действителен, и я, конечно, признаю вашу добросовестность в этом деле. Но фактически у документа не хватает одного необходимого для всякого контракта элемента.

— Какого?

— Намерения обеих сторон войти в договорные отношения. Невзирая на подпись и оттиск пальца, фактом является то, что у меня не было намерения заключить договор, и это легко может быть доказано другими фактами. Я преуспевающий адвокат с хорошей практикой, как покажут уплачиваемые мною налоги. Бессмысленно предполагать и ни один суд этому не поверит, что я добровольно отказался от моей привычной жизни ради шести лет работы по контракту со значительно меньшим доходом.

— Ах, так, значит, вы адвокат? А вы уверены, что это так? Почему в таком случае вы выдаете себя здесь за радиотехника?

При этой неожиданной фланговой атаке Уингейтом снова овладела паника. Он в самом деле был специалистом по радио — это была его страсть в часы досуга, но как они это узнали? «Молчи! — сказал он себе. — Не признавай ничего!»

— Все это вздор, — запротестовал он. — Я требую, чтобы меня пропустили к капитану! Я могу расторгнуть этот договор в течение десяти минут!

Администратор немного выждал, прежде чем ответить.

— Вы кончили?

— Да.

— Очень хорошо. Теперь буду говорить я. Послушайте меня, господин космический адвокат. Проект этого контракта составлен одним из хитрейших юридических умов на двух планетах. При этом особенно учитывалось, что контракты будут подписывать лодыри, которые сначала пропьют свои подъемные, а затем решат, что вовсе не желают работать на Венере. Этот контракт предупреждает всякие возможные протесты, и он так хорошо продуман, что его не расторгнет сам дьявол. Ваши басни уличного адвоката вы в данном случае рассказываете тоже не дурачку; вы говорите с человеком, который знает юридически, на каком он свете. А насчет свидания с капитаном, если вы думаете, что командиру такого корабля больше нечего делать, как слушать горячечный бред самозванного профессионального болтуна, то вы очень ошибаетесь! Возвращайтесь-ка в ваше помещение!

Уингейт хотел что-то сказать, но потом раздумал и повернулся, чтобы идти. Ему нужно было поразмыслить обо всем этом. Администратор остановил его.

— Пойдите. Вот копия вашего контракта. — Он кинул бумаги, и тонкие белые листы рассыпались по полу. Уингейт подобрал их и молча вышел.

Хартли ждал его в коридоре.

— Как дела, Хэмп?

— Неважно. Я не хочу об этом вспоминать. Мне надо подумать.

Не говоря ни слова, они возвращались той же дорогой, которой пришли, и вскоре подошли к трапу, который вел на нижние палубы космического корабля. В этот момент с него спустился какой-то человек. Уингейт отметил это без всякого интереса.

Потом он еще раз поднял глаза. Внезапно нелепые события этого дня сплелись в единую цепь, и он, обрадованный, закричал:

— Сэм! Ах ты, старый пьянчуга! Я должен был догадаться, что это твоя проделка!

Все теперь было ясно. Сэм инсценировал все это похищение и, напоив Хэмпфри, отправил его в полет. Шкипер был, вероятно, его приятель какой-нибудь офицер запаса. И они вдвоем состряпали это дело. Разумеется, то была грубая шутка, но он был слишком счастлив, чтобы

сердиться. Джонс все равно заплатит ему за свои штуки — как-нибудь на обратном пути из Луна-Сити!

Тут только он заметил, что Джонс оставался серьезным.

Более того, он был одет в такой же синий комбинезон, какой был на завербованных рабочих.

— Хэмп, — сказал он, — ты все еще пьян?

— Я? Нет. В чем де...

— Неужели ты не понимаешь, что мы попали в переделку?

— Ах, черт. Сэм, шутка шуткой, по теперь уж хватит? Я понимаю, говорю тебе. Я не сержусь, это было здорово разыграно!

— Разыграно? — проговорил Джонс с горечью. — Или ты тоже меня разыгрывал, когда уговаривал завербоваться?

— Я уговаривал тебя завербоваться?

— Да, конечно. Ты был так чертовски уверен, что знаешь, о чем говоришь. Ты утверждал, что мы можем завербоваться, провести месяц или около того на Венере и вернуться домой. Ты хотел держать со мной пари, и вот мы поехали в доки и нанялись. Нам это показалось блестящей идеей единственным способом разрешить наш спор.

Уингейт тихо свистнул.

— Будь я... Сэм! Я ни черта не помню. Я, должно быть, изрядно выпил, прежде чем потерял сознание.

— Да, очевидно, так. Жаль, что ты не потерял сознание раньше. Но я не виню тебя. Не насильно же ты меня тащил. Во всяком случае, я сейчас пойду, чтобы попытаться поправить дело.

— Погоди-ка, послушай раньше, что случилось со мной. Ах, да, Сэм, это Сэтчел Хартли. Хороший парень!

Хартли стоял рядом в нерешительном ожидании; он шагнул вперед и поздоровался.

Уингейт рассказал Джонсу обо всем и добавил:

— Так что, как видишь, тебе вряд ли окажут особенно радушный прием. Я, вероятно, уже все испортил. Но нам обязательно удастся расторгнуть контракт, как только мы сможем добиться разбора дела, если сошлемся на время заключения договора. Мы завербовались менее чем за двенадцать часов до отбытия корабля. Это противоречит Космическому предохранительному акту.

— Да, да, я понимаю. Луна находится в своей последней четверти; они, наверно, стартуют вскоре после полуночи, чтобы воспользоваться благоприятным положением Земли. Интересно, который был час, когда вы завербовались?

Уингейт достал копию своего контракта. Нотариальная печать указывала время одиннадцать часов тридцать две минуты.

— Слава богу! — крикнул он. — Я знал, что тут где-нибудь окажется ошибка. Контракт недействителен, сразу видно. Это докажет бортовой журнал.

Джонс внимательно изучал бумагу.

— Взгляни еще раз, — сказал он. — Печать показывает 11.32, а не 23.32.

— Но это невозможно, — запротестовал он.

— Да, конечно. Однако это — официальная отметка. Очевидно, их версия будет такова, что мы завербовались утром, нам выдали подъемные и мы устроили великолепный кутеж, после чего нас потащили на борт, Я как будто припоминаю, что у нас были хлопоты с вербовщиком, который не хотел нас нанимать. Возможно, мы уговорили его, отдав ему свои подъемные.

— Но ведь мы нанимались не утром. Это неправда, и я могу это доказать!

— Разумеется, ты можешь это доказать, но как ты можешь это доказать прежде, чем вернешься на Землю?

— Вот таково положение, — заключил Джонс после нескольких минут довольно бесплодной дискуссии. — Нет никакого смысла пытаться расторгнуть наши контракты, во всяком случае здесь: нас просто высмеют. Единственное, что остается, — это сделать попытку столкнуться при помощи денег. Только таким образом нам, мне кажется, удастся выбраться отсюда в Луна-Сити внести деньги в банк Компании, и к тому же много денег!

— Сколько?

— Тысяч двадцать по меньшей мере...

— Но это несправедливо!

— Перестань, пожалуйста, толковать о справедливости. Неужели ты не можешь понять, что мы у них в руках? Тут не будет никакого судебного решения; куш должен быть достаточно велик, чтобы побудить второстепенного служащего Компании пойти на риск и сделать то, что не предусмотрено регламентом.

— Но я не могу найти такую сумму.

— Об этом не беспокойся. Я беру все на себя.

Уингейт хотел было возразить, но передумал. Бывают моменты, когда очень удобно иметь богатого друга.

— Я должен дать радиogramму сестре, — продолжал Джонс, — чтобы она все устроила.

— Почему сестре, а не вашей фирме?

— Потому что надо действовать быстро. Юристы, ведущие дела нашей семьи, всячески будут добиваться подтверждения. Они пошлют радиogramму капитану с запросом, действительно ли у него на борту находится Сэм Хоустон Джонс, а капитан ответит «нет», так как я завербовался под именем Сэм Джонс. У меня была глупая мысль: как бы не попасть в «Новости по радио» и не повредить интересам семьи.

— Ты не можешь осуждать ваших юристов, — возразил Уингейт из чувства кастовой солидарности, — они распоряжаются чужими деньгами.

— Я не осуждаю их, но я хочу, чтобы были приняты срочные меры, а сестра сделает все. Она по тексту радиogramмы поймет, что это я. Единственная трудность — добиться у администратора разрешения послать ее.

Джонс ушел, чтобы выполнить свое намерение. Хартли ждал вместе с Уингейтом — для компании, а также из понятного интереса к таким необычным событиям. Когда Джонс наконец возвратился, его лицо отражало нескрываемую досаду. При взгляде на него Уингейтом внезапно овладело мрачное предчувствие.

— Тебе не удалось послать радиogramму? Он не разрешил?

— Нет, все-таки разрешил, — ответил Джонс, — но этот администратор... ну и крепкий же это орешек!

Даже без воя сирены Уингейт почувствовал бы, что они снижаются на Луна-Сити. Сила тяжести на поверхности Луны составляет всего одну шестую по сравнению с Землей, и это уменьшение немедленно сказалось на его расстроенном желудке. Хорошо еще, что он мало ел. Хартли и Джонс привыкли к космическому пространству и легко переносили такие изменения скорости. Странно, как мало сочувствия испытывают те, кто не подвержен космической болезни, к тем, кто от нее страдает. Трудно сказать, почему зрелище человека, мучимого рвотой, задыхающегося, со слезящимися глазами, извивающегося от боли в желудке, кажется чуть ли не забавным, но это так.

Ни у Хартли, ни у Джонса не было врожденного садизма, который так часто проявляется в подобных случаях, — как у того остряка, который предлагал солонину в качестве лекарства. Но

сами они не страдали, и поэтому давно уже забыли о своем собственном мучительном опыте, когда они еще были новичками, и просто не в состоянии были понять, что Уингейт буквально переживает «судьбу горше смерти». Даже значительно горше, ибо мучение это длилось целую вечность, настолько искажено чувство времени у тех, кто страдает от космической и морской болезни, а также (как я слышал) у курильщиков гашиша.

В действительности же остановка на Луне длилась менее четырех часов. Лишь к концу стоянки Уингейт овладел собой настолько, что у него снова возник интерес к радиogramме Джонса. К тому же Джонс заверил его, что в Луна-сити он сможет провести время до отправки обратно на Землю в отеле, снабженном центрифугой.

Но ответ на радиogramму запаздывал. Джонс ожидал вестей от сестры по истечении часа — возможно, еще до того, как «Вечерняя Звезда» опустится в доках Луна-Сити. По мере того, как проходили часы, он стал получать из радиокюиты все менее дружелюбные ответы на свои вопросы. В семнадцатый раз обозленный техник резко предложил ему проваливать. Вслед за тем Джонс вдруг услышал предупредительный гудок к поднятию корабля; он вернулся и сообщил Уингейту, что его план, очевидно, рухнул.

— У нас, правда, еще в запасе десять минут, — произнес он с полной безнадежностью. — Если радиogramма придет до того, как нам дадут старт, капитан сможет высадить нас в последнюю минуту. Но похоже на то, что нет больше никаких шансов.

— Десять минут... — произнес Уингейт. — А мы не могли бы как-нибудь выбраться наружу и бежать?

Джонс, казалось, уже был доведен до белого каления.

— А тебе уже случалось когда-нибудь убегать в безвоздушном пространстве?

Во время перелета от Луна-Сити до Венеры Уингейт был слишком занят, чтобы мучиться от космической болезни. Он многому научился по части мытья уборных и проводил десять часов в день, совершенствуясь в своей новой профессии. Жандармы злопамятны.

Вскоре после того, как «Вечерняя Звезда» покинула Луна-Сити, она вышла за пределы, в которых возможна радиосвязь с Землей; оставалось только ждать прибытия в Адонис — порт Северной полярной колонии на Венере. Там Компания имела достаточно мощную радиостанцию, чтобы поддерживать непрерывную связь с Землей, за исключением шестидесяти дней прохождения Венеры по ту сторону Солнца и более короткого периода солнечных помех при ее прохождении между Землей и Солнцем.

— На Венере нас, наверно, будет ждать приказ об освобождении, заверил Джонс Уингейта, — и мы тут же возвратимся с обратным рейсом «Вечерней Звезды», но уже в каюте первого класса. В самом худшем случае, нам придется ждать «Утреннюю Звезду». Это будет не так плохо; раз мне переведут деньги, мы сможем потратить их в Венеробурге.

— Ты, наверно, был там во время своего учебного полета, — спросил Уингейт, и в его голосе послышалось любопытство. Он не сибарит, но сенсационная репутация самого ужасного — или самого блестящего в зависимости от взглядов ценителя — увеселительного заведения на трех планетах была достаточно велика, чтобы поразить воображение даже наименее падкого на удовольствия человека.

— Нет, к сожалению! — возразил Джонс. — Я все время находился на досмотре корпуса корабля. Кое-кто из наших ребят туда ездил... Ну и ну! Он тихо свистнул и покачал головой.

Но оказалось, что никто не ожидал их прибытия, не было и никакой радиogramмы. Снова стояли они возле помещения связи, пока им грубо не приказали вернуться в свои помещения и готовиться к высадке, «и живее!»

— Увидимся в приемочном бараке, Хэмп! — были последние слова Джонса, и он убежал в свое помещение.

Жандарм, в распоряжении которого находились Хартли и Уингейт, выстроил своих подчиненных в нестройную колонну по два в ряд. Неприятно резкий металлический голос громкоговорителя передал приказ. Их повели по центральному проходу вниз, через все четыре палубы, к нижним пассажирским воротам. Они прошли через воздушную камеру и сошли с корабля, но не на открытый воздух Венеры, а в туннель из листового металла, ведущий в какое-то здание, которое находилось на расстоянии примерно пятидесяти ярдов.

Воздух в туннеле был едким — здесь распыляли обеззараживающие средства, но Уингейту он показался свежим и живительным после спертого воздуха на корабле. При силе тяжести на поверхности Венеры, составляющей пять шестых земной силы тяжести, этого было достаточно, чтобы предотвратить тошноту и вызвать чувство легкости и силы; все это вместе вселяло в него неразумный оптимизм, создавало бодрое настроение.

Туннель вел в довольно просторное помещение без окон, но ярко и ровно освещенное из скрытого источника света. В нем не было никакой мебели.

— Команда, стой! — крикнул жандарм и передал бумаги худощавому, похожему на конторщика человеку, стоявшему у внутренней двери. Человек взглянул на бумаги, сосчитал людей, одну бумагу подписал, вернул ее унтер-офицеру, и тот ушел через туннель обратно на корабль.

Похожий на конторщика человек повернулся к иммигрантам. На нем, как заметил Уингейт, были надеты одни короткие трусы, не шире повязки, и все его тело, даже ноги, было покрыто сильным загаром.

— Ну, вот что, — сказал он мягким голосом, — скиньте одежду и бросьте ее в тот ящик! — Он указал на приспособление, вделанное в одну из стен.

— Зачем? — спросил Уингейт. Он сказал это без всякого вызова, но не сделал ни одного движения, чтобы повиноваться.

— Ну, ну, — обратился к нему конторщик, все еще мягко, но с ноткой раздражения в голосе. — Давайте не будем спорить. Это для вашей же безопасности. Мы не можем себе позволить импортировать болезни.

Уингейт сдержался, чтобы не ответить резко, и дернул молнию своего комбинезона. Несколько человек, ожидавших, чем кончится спор, последовали его примеру. Комбинезоны, башмаки, белье, носки — все было брошено в ящик.

— Следуйте за мной! — приказал их новый хозяин. В следующем помещении их встретили четыре человека в резиновых перчатках, вооруженные электрическими ножницами. Началась стрижка. Уингейт снова хотел запротестовать, но решил, что игра не стоит свеч. Он лишь подумал: «Неужели и женщины вынуждены подвергаться таким жестким карантинным мерам? Как это, должно быть, обидно — пожертвовать красивой копной волос, которую растили двадцать лет».

Затем их повели под душ. Завеса из теплой водяной пыли совершенно закрывала проход через комнату. Уингейт с удовольствием устремился к воде; с тех пор как он покинул Землю, ему впервые удалось сносно помыться. Было вдоволь жидкого зеленого мыла и оно хорошо пенилось. Полдюжины служителей одетых столь же скудно, как и их проводник, стояли у дальнего конца водяной стены и следили за тем, чтобы люди оставались под душем положенное время и хорошо помылись. В некоторых случаях они с этой целью делали весьма интимные замечания. У каждого служителя к поясу был прикреплен красный крест на белом поле, подтверждающий его официальное положение.

В коридоре Уингейт и остальные попали в поток горячего воздуха и быстро обсохли.

— Остановитесь! — Уингейт подчинился, и обратившийся к нему санитар со скупающим видом приложил к верхней части его руки тампон, от которого он почувствовал холод, затем

поцарапал это место. — Это все, следуйте дальше! — Уингейт присоединился к очереди у одного из столов. То же самое было сделано с другой его рукой. К тому времени, когда он подошел к дальнему концу помещения, его руки были покрыты маленькими красными царапинами, более двадцати на каждой.

— Что все это значит? — спросил он последнего санитаря, который сосчитал царапины и отметил его имя на листе.

— Анализы... чтобы установить вашу сопротивляемость и иммунитет.

— Сопротивляемость чему?

— Всему. Как земным болезням, так и здешним. Здешние — это по большей части грибковые заболевания. Проходите, вы задерживаете очередь!

Позднее Уингейт узнал об этом подробнее. Для того, чтобы житель Земли приспособился к условиям жизни на Венере, требовалось от двух до трех недель. Пока он не будет обладать иммунитетом против опасностей этой планеты, было бы просто смертельно подвергать свою кожу и особенно слизистые оболочки действию прожорливых невидимых паразитов, которыми кишит поверхность Венеры.

Беспрестанная борьба за существование, которая повсюду является главным условием развития, на Венере особенно интенсивна. Это — следствие усиленного обмена веществ во влажных испарениях ее джунглей. Болезни, вызываемые на Земле патогенными микробами, были почти ликвидированы обычным бактериофагом. Здесь, на Венере, где болезни были почти те же, с некоторыми отличиями, тот же бактериофаг оказался способен на видоизменение, сделавшее его и здесь столь же сильно действующим средством. Но, кроме микробов, оставались еще голодные грибковые паразиты.

Представьте себе худшие из грибковых заболеваний кожи, которые вы когда-либо встречали, — стригущий лишай, чесотку, паршу, бластомикоз, споротрихоз. Добавьте к этому ваше представление о плесени, о влажной гнили, о питании гнилыми поганками. Затем представьте себе всех этих паразитов в их ускоренном движении: нарисуйте себе картину, как они кишат у вас прямо на глазах и атакуют вас — подмышки, глазные яблоки, мягкие влажные ткани вашего рта, как они устремляются в ваши легкие...

Первая экспедиция на Венеру целиком погибла. Со второй поехал врач, у которого было достаточно воображения, чтобы запастись довольно большим, как ему казалось, запасом салициловой кислоты и ртутного салицилата, а также маленьким ультрафиолетовым излучателем. Трое из участников этой экспедиции вернулись.

Но широкая колонизация требует приспособления к окружающей среде, а не изоляции от нее. Луна-Сити на первый взгляд может служить отрицанием этой аксиомы, но так только кажется. «Лунатики» всецело зависят от воздушного котла, вмещающего лишь пространство их герметически закупоренного города. Но Луна-Сити не является самоснабжающейся колонией. Это всего-навсего аванпост, обсерватория, место для разработки недр, станция для снабжения горючим.

Венера — колония. Колонисты дышат воздухом Венеры, едят ее продукты, подвергают свою кожу действию ее климата и себя — всем опасностям, таящимся в ее природе. При этом обитатели Земли могут жить только в холодных полярных районах Венеры, где климат напоминает джунгли Амазонки в жаркий день, во время сезона дождей. Здесь они босиком шлепают по болотам, не избегая главных опасностей новой среды. К этому их и готовят.

Уингейт съел свой обед — удовлетворительную, но пресную и грубо сервированную пищу — и закусил кисло-сладкой дыней; он съел такую огромную порцию, что в чикагском ресторане за нее взяли бы столько же, сколько стоит хороший обед для средней семьи. Устроившись на ночь в отведенном ему месте, он попытался разыскать Сэма Хоустона Джонса, но не мог найти

никаких его следов, и никто из завербованных не мог припомнить, чтобы его видели. Один из служащих карантина посоветовал Уингейту разузнать о своем друге у агента Компании. Уингейт так и сделал — в своей обаятельной манере, которой он умел пользоваться, имея дело с мелкими служащими.

— Приходите завтра утром. Будут вывешены списки.

— Благодарю вас, сэр. Извините, что потревожил вас, но я не могу найти моего друга и беспокоюсь, не заболел ли он или не случилось с ним что-нибудь. Не могли бы вы мне сказать, нет ли его в списке больных.

— Что ж... подождите минуту, — служащий стал водить пальцем по своим записям. — Хм... вы говорите, он был на «Вечерней Звезде»? — Да, сэр.

— Нет, он не... Мм, нет... О да, вот он! Он здесь не сходил.

— Что вы сказали?

— Его отправили на «Вечерней Звезде» дальше, в Новый Оклэнд, Южный полюс. Он был нанят как помощник машиниста. Если бы вы мне это сказали, я бы сразу сообразил. Все рабочие-металлисты из этой партии посланы на новую Южную электростанцию.

Через минуту Уингейт достаточно овладел собой, чтобы произнести:

— Очень благодарен за вашу любезность.

— Ничего, пожалуйста. — Служащий отвернулся.

— Колония Южного полюса! — пробормотал Уингейт. — Колония Южного полюса...

Его единственный друг — на расстоянии двенадцати тысяч миль. Теперь Уингейт почувствовал себя совершенно одиноким-одиноким, обманутым, покинутым. За время, прошедшее между его пробуждением на борту корабля и встречей с Джонсом, у него не было возможности ясно оценить свое тяжелое положение. Он еще сохранял высокомерие светского человека, инстинктивное убеждение в том, что все это несерьезно: такие вещи просто не случаются с людьми, во всяком случае, с людьми известного круга.

Но с тех пор его человеческое достоинство было столько раз оскорблено и унижено (особенно постарался жандармский офицер), что он уже не был так уверен в том, что застрахован от несправедливости или произвола. Постриженный и вымытый помимо своей воли, лишенный своей одежды и облаченный в тропические рабочие штаны, увезенный на миллионы миль от своей привычной социальной среды, вынужденный подчиняться приказам людей, равнодушных к его чувствам и заявляющих свои права на его личность и поступки, и вот теперь отрезанный от общения с единственным человеком, на поддержку которого он мог рассчитывать, Уингейт понял, наконец, с отчетливостью, от которой похолодел, что с ним, с ним, Хэмпфри Бэнтоном Уингейтом, преуспевающим адвокатом и членом всех юридических клубов, теперь может случиться все, что угодно.

— Уингейт!

— Это вы, Джек? Продолжайте, не заставляйте их ждать!

Уингейта протолкнули в пролет двери, и он оказался в переполненном помещении. Более тридцати человек сидели у стен. У стола, рядом с дверью, сидел служащий, занятый своими бумагами. В центре, возле невысокой, ярко освещенной трибуны стоял человек с чрезвычайно бойкими манерами. Служащий у двери поднял глаза и бросил Уингейту:

— Поднимитесь туда, чтобы все могли вас видеть! — Он указал на трибуну.

Уингейт, мигая от яркого света, двинулся вперед и выполнил то, что ему велели.

— Контракт номер 482-23-06, — прочитал служащий, — клиент Хэмпфри Уингейт, шесть лет, радиотехник без свидетельства, разряд заработной платы шесть-Д, контракт представляется для найма.

Три недели понадобилось им, чтобы сделать его пригодным к работе. Три недели — и ни

слова от Джонса. Он безропотно позволял проделывать над собой все опыты, а теперь должен был вступить в активный период своего принудительного труда. Затем заговорил бойкий человек.

— Ну вот, патроны, прошу. У вас есть человек, подающий исключительно большие надежды. Я едва решаюсь назвать вам, какие оценки он получил за свои способности, приспособляемость и общие знания. Скажу только, что администрация предлагает за него тысячу долларов. Но было бы неразумно использовать такого человека для обычной административной работы, когда мы так нуждаемся в хороших рабочих, чтобы вырывать богатства из дебрей и недр. Смеею предсказать, что счастливый покупатель, который приобретет себе этого рабочего, уже через месяц поставит его производителем работ. Но осмотрите его сами, поговорите с ним и решайте!

Служащий что-то шепнул ему. Он кивнул и продолжал:

— Меня просят уведомить вас, джентльмены и патроны, что клиент сделал обычное законное предупреждение за две недели о своем увольнении, разумеется, если он покроет все расходы!

Он весело рассмеялся и многозначительно подмигнул, как будто за его замечанием крылась необыкновенно удачная шутка. Никто не обратил внимания на его сообщение, один лишь Уингейт с отвращением оценил характер остроты. Он предупредил о своем желании уволиться на другой же день после того, как узнал, что Джонс направлен в колонию Южного полюса. Но тут же обнаружил, что хотя теоретически он имел право уйти с работы, но фактически это лишь давало ему право умереть с голоду на Венере, если он не отработает свои подъемные и проезд в оба конца.

Несколько человек собрались вокруг трибуны и внимательно его рассматривали, обсуждая его качества: «Не особенно мускулист...», «У меня нет особой охоты предлагать цену за этих щеголеватых молодчиков, они смутьяны...», «Да, но тупой не оправдывает своих харчей...», «Что он может делать? Пойду, погляжу его анкету...». Они направились к столу служащего и стали рассматривать результаты многочисленных анализов и исследований, которым подвергался Уингейт во время своего карантина. Только один субъект, с маленькими блестящими глазками, остался возле трибуны: он боком продвинулся к Уингейту, поставил одну ногу на подмости, приблизил к нему свою физиономию и заговорил доверительным тоном:

— Меня не интересуют те дутые, рекламные листы, парень. Расскажите мне сами о себе.

— Тут нечего много рассказывать.

— Говорите смелее. Вам у меня понравится. Совсем как дома. Я бесплатно вожу своих парней в Венеробург. Есть у вас опыт в обращении с неграми?

— Нет.

— Ну, здешние туземцы, собственно, не негры, это только так говорится. У вас такой вид, словно вы умеете командовать бригадой. Был у вас такой опыт?

— Не особенно большой.

— Ладно... может быть, вы слишком скромны. Я люблю, когда человек держит язык за зубами. Я никогда не позволяю моему надсмотрщику применять плетку.

— Еще бы, — перебил его другой патрон, подойдя к трибуне, — это вы оставляете для себя, Ригсби!

— А вы не лезьте не в свое дело, Ван-Хайзен!

Ван-Хайзен, пожилой коренастый человек, не обратил на его слова никакого внимания и заговорил с Уингейтом:

— Вы предупредили о своем увольнении. Почему?

— Все это было ошибкой. Я был пьян.

— А пока будете вы честно работать?

Уингейт задумался.

— Да, — сказал он наконец.

Ван-Хайзен кивнул, тяжелой походкой отошел к своему стулу и осторожно опустил на него свое массивное тело, подтянув штаны, такие же, как у рабочих. Когда все расселись, агент весело объявил:

— Ну, вот, джентльмены, если вы готовы, давайте послушаем первое предложение на этот контракт. Я был бы рад, если бы сам мог сделать на него заявку — на должность моего помощника, честное слово! Так вот... я не слышу предложений...

— Шестьсот!

— Прошу вас, патроны! Разве вы не слышали, что я упомянул о предложении на тысячу?

— Я не подумал, что вы сказали это серьезно. Он какой-то сонный. Агент Компании поднял брови.

— Извините, мне придется попросить клиента сойти с трибуны.

Но, прежде чем Уингейт успел сойти, другой голос произнес:

— Тысяча!

— Ну, вот так-то лучше! — воскликнул агент. — Я должен был знать, что вы, джентльмены, не допустите, чтобы от вас ускользнула такая возможность. Но этого еще мало. Слышу ли я тысячу сто? Давайте, патроны, ведь не можете вы наживать свои богатства без клиентов! Слышу ли я...

— Тысяча сто!

— Тысяча сто от патрона Ригсби! Ну и дешевка это была бы — за такую цену! Сомневаюсь, однако, чтобы он вам достался. Слышу ли я тысячу двести?

Грузный коренастый человек поднял указательный палец.

— Тысяча двести от патрона Ван-Хайзена. Я вижу, что сделал ошибку и только отнимаю у вас время; интервалы должны быть не менее двухсот. Слышу ли я тысячу четыреста? Слышу ли я тысячу четыреста? Идет раз за тысячу двести... идет два...

— Тысяча четыреста! — бросил Ригсби мрачно.

— Тысяча семьсот! — сразу же добавил Ван-Хайзен.

— Тысяча восемьсот! — сердито отрезал Ригсби.

— Нет, — протянул агент. — Интервалы не менее двухсот! Прошу вас! Ладно, проклятье, тысяча девятьсот!

— Я слышу тысячу девятьсот. Эту цифру трудно написать. Кто даст две тысячи сто?

Ван-Хайзен снова поднял палец.

— Значит — две тысячи сто! Наживать деньги стоит денег! Что я слышу? Что я слышу? — Он сделал паузу. — Идет за две тысячи сто раз... идет за две тысячи сто два... Вы так легко отказываетесь, патрон Ригсби?

— Ван-Хайзен... — остальное было произнесено слишком невнятно, чтобы можно было разобрать.

— Еще один шанс, джентльмены! Идет... идет... Пошел! — Он громко хлопнул ладонями. — Продан Ван-Хайзену за две тысячи сто! Поздравляю, сэр, с удачной покупкой!

Уингейт пошел вслед за своим новым хозяином к дальней двери. В проходе их остановил Ригсби:

— Ладно, Ван, вы позабавились! Определяю ваши убытки в две тысячи.

— Прочь с дороги!

— Не будьте идиотом. Это — невыгодная сделка. Вы не умеете заставлять людей потеть, а я умею!

Ван-Хайзен, не слушая его, быстро прошел мимо. Уингейт последовал за ним в теплую зимнюю изморось, к стоянке, где параллельными рядами выстроились стальные «крокодилы». Ван-Хайзен остановился возле тридцатифутового «Ремингтона».

— Влезайте!

Длинный, похожий на ящик корпус амфибии был нагружен до самой ватерлинии запасами, приобретенными Ван-Хайзенем на базе. Растянувшись на брезенте, покрывавшем груз, лежало человек шесть. Один из них устался на Уингейта, затем перемахнул через борт.

— Хэмп! О Хэмп!

Это был Хартли. Уингейт сам удивился радости, охватившей его при этой встрече. Он схватил руку Хартли и обменялся с ним обычными ласковыми ругательствами.

— Ребята! — крикнул Хартли, — познакомьтесь с Хэмпом Уингейтом. Это замечательный малый. Хэмп, познакомьтесь с компанией. Вот Джимми — позади вас. Он крутит эту баранку. — Названный им парень весело кивнул Уингейту и, пройдя вперед, сел на место механика. По знаку Ван-Хайзена, втиснувшего свои телеса в маленькую кормовую кабину, он повернул руль, и «крокодил» пополз, шлепая по грязи и лязгая звеньями своих гусениц.

Трое из шести рабочих были старожилы, в том числе и Джимми. Они привезли с фермы на рынок продукты и теперь увозили закупленные припасы. Ван-Хайзен приобрел контракты еще на двух рабочих, кроме Уингейта и Сэтчела Хартли. Уингейт узнал этих людей, так как встречал их на «Вечерней Звезде» и в карантине. Они выглядели несколько удрученными, и Уингейту это было понятно. Но люди с фермы как будто чувствовали себя отлично. Они, очевидно, смотрели на поездку с грузом в город и обратно как на прогулку и лежали, непринужденно болтая и знакомясь с приезжими.

Нескромных вопросов они не задавали. Никто не спрашивает вновь прибывшего на Венеру, кем он был до того, как попал на борт корабля, если он сам не заговорит об этом. Это не принято.

Как только они выбрались из предместья Адониса, машина скатилась по склону на пологий берег и тяжело шлепнулась в воду. Ван-Хайзен поднял окошко в перегородке, отделявшей кабину от трюма, и заорал:

— Дурак! Сколько раз я говорил тебе, спускайся на воду потихоньку!

— Извините, хозяин, я проглядел, — ответил Джимми.

— Ты не зевай, а то я найду себе другого механика! — и Ван-Хайзен захлопнул окошко.

Джимми оглянулся вокруг и подмигнул другим клиентам. Он был занят по горло: болото, которое они пересекали, выглядело как твердая почва-так густо оно поросло буйной растительностью. «Крокодил» теперь был на плаву, широкие звенья гусениц действовали, как гребные колеса. Клинообразный нос судна раздвигал в стороны кустарники и болотную траву, ломал и перемальывал деревца. По временам гусеницы врезались в тину грунта, и тогда «крокодил», переползая через отмель, снова превращался в сухопутный транспорт. Тонкие нервные руки Джимми твердо держали руль, он огибал большие деревья, но при этом выбирал самый краткий и прямой путь, внимательно следя за местностью и за судовым компасом.

Вскоре беседа стала затихать, и один из рабочих фермы затянул песню. У него был недурной тенор, мало-помалу к нему присоединились другие. Уингейт заметил, что и он, запоминая слова, подтягивает певцу. Они спели «Расчетную книжку» и «С тех пор, как надсмотрщик увидел мою кузину», затем грустную песенку под названием «Они нашли его в зарослях». Но потом последовала легкая песенка «Ночью, когда прекратился дождь» — бесконечная вереница строф, рассказывающих о различных и маловероятных событиях, происшедших по этому случаю («Заказал надсмотрщик круговую кружку...»)

За «Рыжую девчонку из Венеробурга» Джимми наградили аплодисментами. Все

восторженно подхватили припев. Уингейт нашел эту песенку невозможно вульгарной. Однако у него не было времени задумываться над этим; теперь запели песню, которая вытеснила из его головы все предыдущие.

Ее начал тенор мягко и протяжно. Другие пели припев, пока запевала отдыхал, — все, кроме Уингейта; он сидел глубоко задумавшись. В трех стихах второго куплета вместо тенора пел хор.

Ты тиснул палец и подписал свое имя.
(Уходи, уходи!)
Тебе подъемные уплатят, а ты стыд заглуши.
(Будь проклят этот день, будь он проклят!)
Тебя на ферму пошлют на острове Эллис.
Ты увидишь, что стало с нашим братом, рабом на шесть лет.
Они не выплатили подъемных, и снова их запрягли!
(Чтоб остались тут, чтоб остались!)
Но я расплачусь и скоплю деньги на обратный путь!
(Ты так говоришь, ты так говоришь!)
И тогда я отправлюсь на Землю!
(Настанет тот день, настанет!)
О, мы все это слышали тысячу и один раз!
Мы не скажем и теперь: «Лжешь!»
Мы хотели бы, чтоб так и случилось.
Но мы снова увидим тебя в Венеробурге, где ты
платишь за свои удовольствия!
(Очень медленно) и никогда ты не выплатишь
подъемных в этой петле!
(Уходи!)

Уингейт был подавлен. На него подействовала и песня, и тепловатый мелкий дождик, его угнетал непривлекательный ландшафт, низко нависший белый туман — то, что Венера неизменно предлагает вам вместо открытого неба. Он отодвинулся в дальний угол трюма и сидел один, пока Джимми не крикнул: «Свет впереди!»

Уингейт высунулся за борт и с любопытством посмотрел в направлении своего нового жилища.

Прошел месяц, а от Сэма Хоустона Джонса — ни слова! Венера уже повернулась один раз вокруг своей оси, за двухнедельной зимой последовало такое же короткое лето, ничем не отличающееся от зимы, только разве дождь лил немного сильнее, и было несколько жарче. Теперь снова наступила зима. На ферме Ван-Хайзена, расположенной вблизи полюса, как и на большей части обитаемой территории Венеры, никогда не наступала полная тьма. Слой облаков высотой в несколько миль смягчает свет солнца, низко нависающего над планетой в течение длинного дня, и умеряет жару. В течение двухнедельных периодов, называемых «ночью» и «зимой», рассеянный свет создает впечатление нескончаемых сумерек.

Месяц — и ни слова. Месяц — и ни солнца, ни луны, ни звезд, ни зари. Никогда здесь не бывает свежего, живительного дуновения утреннего ветерка, ни радостной игры лучей полуденного солнца, ни желанных вечерних теней абсолютно ничего, чтобы отличить один знойный, душливый час от другого. Одна только тяжелая монотонность сна, труда, еды и снова

сна — ничего, кроме разрывающей сердце тоски по прохладному голубому небу далекой Земли.

Обычай требовал, чтобы новички ставили угощение старожилам. Уингейт заказал для надсмотрщика водки, называемой рира, и когда он в первый раз расписался в своей расчетной книжке, то обнаружил, что этот товарищеский жест стоил ему дополнительного четырехмесячного пребывания, прежде чем он законным образом сможет покинуть свою «работу». После этого он решил никогда больше не заказывать риры и отказался от короткого отпуска в Венеробург, поклявшись сберечь каждый грош, чтобы расплатиться за свои подъемные и проезд.

Но вскоре Уингейт понял, что рира, слабый алкогольный напиток, — это не порок, не роскошь, а необходимость. Для жизни человека на Венере она была так же нужна, как и ультрафиолетовые лучи, применяемые во всех осветительных системах колонии. Рира вызывала не опьянение, а душевную легкость, освобождение от тревог, и без этого напитка он не мог уснуть. Три ночи самобичевания и мучений, три дня он чувствовал себя изнуренным и ни на что не способным, лоя на себе суровый взгляд надсмотрщика, и на четвертый день он вместе с другими заказал себе бутылку, с тупой болью сознавая, что цена этой бутылки еще раз наполовину сокращает его микроскопическое продвижение к свободе.

Уингейт не был допущен к работе на радиостанции: у Ван-Хайзена уже был радист. Хотя Уингейт и значился в списках как помощник радиста, его отправили на болото. Перечитывая свой контракт, он обнаружил пункт, предоставляющий его хозяину право так поступить.

Он отправился на болото. Вскоре он научился обольщением и запугиванием заставлять хрупкий туземный народец, существа-амфибии, собирать урожай луковиц подводных растений — венерианского гиацинта, болотных корнеплодов Венеры. Научился подкупом приобретать сотрудничество их старейшин, обещая им премии в виде «тигарек». Это был термин, обозначавший не только сигареты, но и вообще табак — единицу обмена в торговых сделках с туземцами.

Он работал также в сарае, где очищали луковицы, и научился, хотя медленно и неловко, срезать верхнюю пористую кожу с ядра луковицы размером в горошину. Только это ядро имело коммерческую ценность, и его следовало вынимать в целости, не повредив и не порезав. Руки Уингейта огрубели от сока, запах вызывал у него кашель и жег глаза, но это было приятнее, чем работать на топях, так как здесь он находился среди женщин. Женщины работали быстрее, чем мужчины, и их маленькие пальцы более умело очищали нежные ядра. Мужчины привлекались к этой работе только при обильном урожае, когда требовались дополнительные рабочие руки.

Уингейт научился своему новому ремеслу у работавшей в сарае старой женщины, по-матерински ласковой, которую другие женщины звали Хэйзл. Работая, она ни на минуту не умолкала, а ее искривленные пальцы спокойно, без всякого напряжения делали свое дело. Уингейт закрывал глаза и представлял себе, что он вернулся на Землю, что он снова мальчик и слоняется на кухне у бабушки, в то время как она шелушит горох и что-то непрерывно рассказывает.

— Не выматывайся, парень, — сказала ему Хэйзл, — делай свое дело, и пусть дьяволу будет стыдно, грядет великий день!

— Какой великий день, Хэйзл?

— День, когда ангелы господни поднимутся и поразят силы зла. День, когда князь тьмы будет сброшен в преисподнюю и пророк примет власть над детьми неба. Так что ты не тревожься; не важно, где ты будешь, когда придет Великий день, — важно только, чтобы на тебя снизошла благодать.

— А ты уверена, Хэйзл, что мы доживем до этого дня?

Она оглянулась вокруг, затем с таинственным видом прошептала:

— Этот день почти уже наступил. Уже теперь пророк шествует по стране, собирая свои силы. Со светлой фермерской земли долины Миссисипи придет человек, известный в этом мире, — она зашептала еще тише, — под именем Нехемия Скэддер!

Уингейт надеялся, что ему удалось скрыть, как он поражен и как все это его рассмешило. Он вспомнил это имя. Какой-то пустозвон евангелист из лесной глуши, там, на Земле, — мелкое ничтожество, мишень для веселых шуток местных газетчиков! К их скамье подошел надсмотрщик.

— Работайте, работайте, вы! Здорово отстаете!

Уингейт поспешил повиноваться, но Хэйзл пришла ему на помощь:

— Оставь его, Джо Томпсон. Требуется время, чтобы научиться этому делу.

— Ладно, мать, — ответил надсмотрщик с усмешкой, — ты заставляй его трудиться, слышишь!

— Хорошо, ты лучше позаботься о других. Эта скамья выполнит свою норму.

Уингейта лишили двухдневного заработка за порчу ядер. Хэйзл отдала ему тогда процент с общего заработка. Надсмотрщик это знал, но все ее любили, даже надсмотрщици, а они, как известно, никого не любят, даже самих себя.

Уингейт стоял возле ворот огороженного участка, где находился барак для холостяков. Оставалось пятнадцать минут до вечерней переключки; он вышел, его влекло подсознательное стремление отделаться от боязни пространства — от болезни, владевшей им все время пребывания на Венере. Но ничто не помогало. Здесь некуда было выходить на «открытый воздух» заросли заполняли всю расчищенную территорию; покрытое облаками свинцовое небо низко нависало над головой, и влажный зной давил обнаженную грудь. Все же здесь было лучше, чем в бараке, хоть там имелись влагопоглощающие установки.

Он еще не получил своей вечерней порции риры и поэтому был угнетен и расстроен. Однако сохранившееся еще у него чувство собственного достоинства позволяло ему хоть на несколько минут предаваться своим мыслям, прежде чем уступить веселящему наркотику. «Я погиб, — подумал он. — Еще через пару месяцев я буду пользоваться каждым случаем, чтобы попасть в Венеробург. Или еще хуже: сделаю заявку на жилье для семейного и обреку себя и своих малышей на вечное прозябание».

Когда Уингейт прибыл сюда, женщины-работницы со своим однообразным тупым умом и банальными лицами казались ему совершенно непривлекательными. Теперь он с ужасом обнаружил, что не был больше столь разборчив. Он даже начал лопотать, как другие, бессознательно подражая туземцам-амфибиям.

Он уже раньше заметил, что иммигрантов можно разделить примерно на две категории: одна — это дети природы, другая — надломленные. К первым относятся люди без воображения и умственно малоразвитые. Вероятно, они и там, на Земле, не знали ничего лучшего: жизнь в колониях казалась им не рабством, а свободой от ответственности: обеспеченное существование и возможность время от времени покутить. Другие — это изгои, те, кто некогда кем-то были, но из-за свойств своего характера или вследствие несчастного случая лишились места в обществе. Возможно, они услышали от судьи: «Исполнение приговора будет приостановлено, если поедете в колонии».

Охваченный внезапной паникой, Уингейт понял, что теперь его собственное положение определяется почти так же и он становится одним из надломленных. Его жизнь на Земле рисовалась ему как в тумане: вот уже три дня он не мог заставить себя написать еще одно письмо Джонсу; он провел всю последнюю смену в размышлениях о том, не взять ли ему несколько дней отпуска для поездки в Венеробург. «Сознайся, мой милый, сознайся, — сказал он себе, — ты уже скользишь вниз, твой ум ищет успокоения в рабской психологии.

Освобождение от своего бедственного положения ты полностью свалил на Джонса, но откуда ты знаешь, что он может тебе помочь? А вдруг его нет уже в живых?» Из глубин своей памяти он выловил фразу, которую когда-то вычитал у одного философа: «Раба никто не освободит, кроме него самого».

Ладно, ладно, возьми себя в руки, старина. Держись крепко. Больше ни капли риры! Хотя нет, это непрактично: человек не может не спать. Очень хорошо, тогда никакой риры до выключения света в бараке: сохрани ясный ум и по вечерам думай над планом освобождения. Держи ухо остро, узнавай все, что можешь, находи друзей и жди, когда подвернется случай.

Сквозь мрак он увидел приближавшуюся к воротам человеческую фигуру. Это была женщина. Одна из эмигранток? Нет. Это была Аннек Ван-Хайзен, дочь патрона.

Аннек была крепкая, рослая, белокурая девушка с печальными глазами. Он много раз видел, как она разглядывала рабочих, возвращающихся в свои бараки, или бродила в одиночестве на расчищенном от зарослей участке перед фермой. Аннек была не уродлива, но и не привлекательна. Чтобы украсить ее крупную фигуру, требовалось нечто большее, чем рабочие штаны, которые носили все колонисты, наиболее терпимую в этом климате одежду.

Аннек остановилась перед ним, дернула молнию мешочка, заменявшего ей карман, и вынула пачку сигарет.

— Я нашла их тут, рядом. Это вы, наверное, потеряли?

Он знал, что она лжет, она ничего не поднимала с того момента, как он увидел ее издали, и сорт сигарет был такой, какой курили на Земле: здесь их имели только патроны: ни один завербованный не мог их себе позволить. Что было у нее на уме?

Уингейт заметил, как она волнуется, как часто дышит, и со смущением понял, что эта девушка пытается сделать ему подарок. Почему?

Уингейт не был высокого мнения о своей внешности или обаянии, да и не имел для этого никаких оснований. Но он не понимал, что среди иммигрантов он выделялся, как павлин на птичьем дворе. Все же он должен был признать, что Аннек находила его приятным: не могло быть другого объяснения ее выдумке, ее трогательному маленькому подарку.

Первым движением Уингейта было резко ее осадить. Он ничего не хотел от нее и был возмущен этим вторжением в его уединение. Он сознавал также, что это может осложнить его положение, даже сделать его опасным. Нарушение местных обычаев — а тут было именно такое нарушение — поставило бы под угрозу всю социальную и экономическую жизнь в колониях. С точки зрения патронов, сношения с завербованными были невозможны в такой же мере, как и с амфибиеобразными туземцами. Связь между рабочим и женщиной из касты патронов легко могла бы разбудить старого судью Линча.

Но у Уингейта не хватало духу быть грубым с Аннек. Он увидел немое восхищение в ее глазах: было бы бессердечно оттолкнуть девушку. Кроме того, в манере Аннек не было ничего вызывающего, не было и робости: ее обращение было по-детски наивным и непосредственным. Уингейт вспомнил о своем намерении найти друзей; здесь ему предлагалась дружба, правда, опасная дружба, но она могла бы оказаться полезной для него, для его освобождения. На какой-то момент он почувствовал стыд оттого, что как бы взвешивал, насколько полезен для него этот беззащитный ребенок. Но Уингейт подавил это чувство, говоря себе, что ведь он не причинит ей зла. Во всяком случае, не надо забывать старой поговорки о мстительности разгневанной женщины!

— Да, возможно, и я потерял их, — сказал он. Затем добавил: «Это мои любимые сигареты».

— Разве? — воскликнула она со счастливой улыбкой. — Тогда возьмите их, пожалуйста!

— Спасибо. А вы не выкурите со мной одну? Хотя нет, это, наверно, не годится: ваш отец

будет недоволен, что вы здесь задерживаетесь.

— О, он сидит за своими расчетами. Я посмотрела, прежде чем выйти, ответила Аннек и, казалось, не заметила, что сама раскрыла свой маленький обман. — Но вы курите, я... я вообще не курю.

— Может быть, вы предпочитаете пенковую трубку, как ваш отец?

Она смеялась дольше, чем того заслуживала его плоская острота. Они продолжали пустую болтовню: урожай созревает хорошо, погода как будто прохладнее, чем на прошлой неделе, нет ничего приятнее, как подышать немного свежим воздухом после ужина.

— А вы когда-нибудь гуляете после ужина? — спросила Аннек.

Уингейт не сказал, что за долгий день на болоте он слишком устает, а только подтвердил, что гуляет.

— Я тоже, — выпалила Аннек. — Очень часто... возле водонапорной башни. Уингейт посмотрел на нее.

— Разве? Я это запомню. — Сигнал к переключке дал ему желанный повод распрощаться. «Еще три минуты, — подумал он, — и мне пришлось бы назначить ей свидание».

На следующий день Уингейта снова послали на болото: горячка с очисткой луковиц в сарае уже прошла. «Крокодил» с трудом продвигался вперед, высаживая на каждом участке одного или нескольких рабочих. На борту оставалось четверо — Уингейт, Сэтчел, механик Джимми и надсмотрщик. Снова остановились, и из воды с трех сторон показались плоские светлоглазые головы амфибиеобразных туземцев.

— Вот, Сэтчел, — сказал надсмотрщик, — это — твой участок. Полезай за борт!

Сэтчел оглянулся вокруг.

— А где мой ялик? — Колонисты пользовались маленькими плоскодонными яликами из дюралюминия, чтобы собирать в них урожай. Но на борту «крокодила» не осталось ни одного ялика.

— Он тебе не понадобится. Ты будешь очищать это поле для посева.

— Это-то ладно. Все же я никого тут не вижу и не вижу поблизости твердой ночвы.

Ялики служили для двух целей: если человек работал отдельно от других людей с Земли и на некотором расстоянии от надежной сухой почвы, ялик становился для него спасательной лодкой, если «крокодил», который должен был его забрать, выходил из строя или если по какой-либо причине приходилось сесть или лечь, будучи на посту. Старожилы рассказывали мрачные истории о людях, которые простаивали по колено в воде в течение двадцати четырех, сорока восьми, семидесяти двух часов, а затем тонули, лишившись рассудка только от усталости.

— Сухое место есть вон там! — Надсмотрщик указал рукой в направлении группы деревьев на расстоянии, может быть, четверти мили.

— Возможно, это и так, — ответил Сэтчел спокойно. — Посмотрим. — Он взглянул на Джимми, который повернулся к надсмотрщику в ожидании приказаний.

— Проклятье! Не спорь со мной! Перелезай за борт!

— Нет, — сказал Сэтчел. — Не раньше, чем я увижу что-нибудь получше, чем два фута ила, где мне придется сидеть на корточках!

Маленький водяной народец с живым интересом следил за спором. Одни лопотали и сюсюкали на своем языке, а те, кто немного понимал речь колонистов, по-видимому, объясняли своим собратьям, что происходит. Это еще больше обозлило и без того взбешенного надсмотрщика.

— В последний раз говорю, выходи!

— Так вот, — сказал Сэтчел, поудобнее размещая свое большое тело на полу судна. — Я рад, что мы покончили с этим вопросом.

Уингейт стал позади надсмотрщика, и это, вероятно, спасло Сэтчела Хартли по меньшей мере от пролома черепа. Уингейт схватил надсмотрщика за руку, когда тот замахнулся, одновременно на него бросился и Хартли; все трое сцепились и несколько секунд боролись на дне «крокодила».

Хартли сидел на груди у надсмотрщика, в то время как Уингейт вырывал кистень из сжатых пальцев его правой руки.

— Счастье, что вы увидели, как он выхватил кистень, Хэмп, проговорил Сэтчел. — А то мне сейчас уже не понадобился бы аспирин!

— Да, и я так думаю, — ответил Уингейт и отшвырнул оружие далеко в болото. За ним немедленно нырнули туземцы. — Мне кажется, теперь ты можешь его отпустить.

Надсмотрщик, быстро вскочив на ноги, ничего не сказал и повернулся к механику, спокойно остававшемуся все время на своем месте у руля. — Почему ты, черт тебя подери, не помог мне?

— Я полагал, что вы сами сможете постоять за себя, хозяин, — ответил Джимми уклончиво.

Уингейт и Хартли были оставлены работать помощниками тех, кто был высажен на другие участки. Надсмотрщик не обращал на них внимания и отдал только короткий приказ высадить их. Но когда они, вернувшись в барак, умывались перед ужином, им велели явиться в Большой дом.

Их ввели в кабинет патрона, и они увидели, что надсмотрщик уже там. Он самодовольно ухмылялся, в то время как выражение лица Ван-Хайзена было самое мрачное.

— Что я слышу о вас обоих? — налетел он на Уингейта и Хартли. Отказываетесь работать, набрасываетесь на десятника — видит бог, я покажу вам, где раки зимуют!

— Позвольте, патрон Ван-Хайзен, — начал Уингейт тихо, почувствовав себя вдруг в привычной атмосфере судебного разбирательства. — Никто не отказывается от исполнения своих обязанностей. Хартли только протестовал против того, что его заставляли выполнять опасную работу, не обеспечив разумных мер безопасности. Что же касается драки, то это десятник напал на нас; мы действовали с целью самозащиты и остановились, как только обезоружили его.

Надсмотрщик наклонился к Ван-Хайзену и шепнул ему что-то на ухо. Патрон казался еще более рассерженным, чем раньше. — Вы вели себя так на виду у туземцев, у туземцев! Вам известен закон колоний? Я мог бы послать вас за это на рудники!

— Нет, — возразил Уингейт, это десятник вел себя так в присутствии туземцев. Наша роль была пассивной. Мы лишь оборонялись.

— Вы называете нападение на десятника пассивной ролью? Ну так вот, слушайте меня. Ваше дело — работать. Дело десятника — указывать вам, где и как работать. Он не такой болван, чтобы пускать на ветер деньги, которые я в вас вложил. Только он один может судить о том, опасна ли работа, а не вы!

Надсмотрщик снова шепнул ему что-то на ухо. Ван-Хайзен покачал головой. Десятник настаивал, но патрон прервал его нетерпеливым жестом и снова повернулся к обоим рабочим.

— Вы не получите сегодня ни ужина, ни риры. Завтра увидим, как будете себя вести.

— Но, патрон Ван-Хайз...

— Все. Идите в свой барак.

Когда огни были погашены и Уингейт прополз на свою койку, он обнаружил, что кто-то спрятал в ней еду. Он с благодарностью съел все, спрашивая себя, кто бы это мог сделать. Он был сыт, но при отсутствии риры этого было недостаточно, чтобы уснуть. Уставившись в гнетущую тьму барака, он обдумывал свое положение. Оно и до этого было почти невыносимо,

теперь же мстительный и всесильный надсмотрщик превратит его жизнь в сущий ад. Уингейт уже достаточно видел и слышал, чтобы знать, что этот ад очень скоро наступит. Прошло, должно быть, около часа, когда он вдруг почувствовал, как чья-то рука толкнула его в бок.

— Хэмп, Хэмп, — услышал он шепот, — выходи наружу. Есть дело! — Это был Джимми.

Уингейт осторожно пробрался между рядами коек и выскользнул в дверь следом за Джимми. Сэтчел уже был на дворе, и рядом с ним виднелась четвертая фигура.

Это была Аннек Ван-Хайзен. Как она сумела пройти на запертый участок барака для холостяков? Глаза ее припухли, словно от слез. Джимми заговорил полусшепотом:

— Девушка сказала, что мне завтра прикажут отвезти вас обоих обратно в Адонис.

— Зачем?

— Она не знает. Но полагает, что вас хотят продать на Юг. Вообще говоря, это не очень правдоподобно, старик еще никогда никого не продавал на Юг, но ведь никто прежде и не бросался на его надсмотрщиков. В общем, не знаю.

Они потеряли несколько минут на бесплодную дискуссию. Затем, после гнетущего молчания, Уингейт спросил Джимми:

— Ты не знаешь, где они хранят ключи от «крокодила»?

— Нет. Почему вы...

— Я могла бы достать их для вас, — предложила Аннек.

— Но вы не умеете управлять «крокодилом», — сказал Джимми.

— Я несколько раз наблюдал, как ты это делаешь.

— Ну, положим, вы справитесь с этим, — продолжал возражать Джимми. Положим, что вам удастся бежать на этом судне. Вы погибнете, проплыв лишь десять миль. Если вас даже не поймут, то вы умрете от голода. Уингейт пожал плечами.

— Я не собираюсь позволить продать себя на Юг.

— Я тоже, — добавил Хартли.

— Погодите минуту.

— Что ж, я не вижу...

— Погодите минуту, — раздраженно повторил Джимми. — Разве вы не видите, что я думаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Джимми сказал:

— Хорошо, дитя мое. Вы лучше отойдите немного в сторону и дайте нам поговорить. Чем меньше вы будете знать об этом, тем лучше для вас.

У Аннек был обиженный вид, но она послушно отошла. Трое мужчин коротко посоветовались. Потом Уингейт сделал Аннек знак присоединиться к ним.

— Большое спасибо за все, что вы сделали для нас, Аннек, — сказал он. — Мы придумали выход из положения. — Он сделал паузу, зачем смущенно добавил: «Ну что ж, спокойной ночи!»

Она подняла на него глаза.

Уингейт не знал, что ему делать. Он проводил ее за угол барака и снова пожелал спокойной ночи. Когда он вернулся, его лицо было все таким же смущенным. Все трое вошли в барак.

Патрон Ван-Хайзен тоже никак не мог уснуть. Для него всегда было мучительно наказывать своих людей. Черт возьми, почему они не могут быть хорошими парнями и оставить его в покое! Правда, в эти дни у него было не очень-то много покоя. На сбор урожая он затрачивал больше, чем мог выручить в Адонисе, во всяком случае, после уплаты процентов. В этот вечер он занялся своими счетами, чтобы как-нибудь отделаться от охватившего его неприятного чувства. Но ему трудно было сосредоточиться на цифрах. Этот Уингейт... Он купил его для того, чтобы он не достался проклятому Ригсби, а не затем, чтобы иметь еще

одного рабочего. Он уже и так вложил в рабочих слишком много денег, хотя десятник все время жаловался, что не хватает рабочей силы. Теперь придется либо продать несколько человек, либо просить банк снова продлить закладную.

Рабочие больше не окупают затрат на их содержание. Это уже не тот сорт людей, которые прибывали на Венеру, когда он был молод.

Он снова склонился над своими книгами. Если рыночные цены снова немного поднимутся, банк за несколько более высокий процент, чем в прошлом сезоне, охотно учтет его векселя. Может быть, тогда все обойдется...

Его размышления были прерваны приходом дочери. Он всегда рад был видеть Аннек, но на этот раз то, что она хотела ему сказать и что наконец выпалила, лишь окончательно взбесило его. Занятая своими собственными думами, Аннек даже не заметила, что причинила отцу почти физическую боль.

Но тем самым вопрос разрешился, поскольку это касалось Уингейта. Он отделался от этого смутьяна. С резкостью, с какой он никогда не обращался с Аннек, Ван-Хайзен велел ей идти спать.

Разумеется, все это только его собственная ошибка, сказал он себе, ложась в постель. Ферма на Венере не место для воспитания молодой девушки, лишившейся матери. Его Аннекхен — теперь уже почти взрослая женщина, как может она найти мужа здесь, в этой глуши? Что она будет делать, когда он умрет? Она ведь не знает, что после него ничего не останется, ничего, даже на обратный билет до Земли. Нет, она не будет женой рабочего! Нет, пока останется хоть капля крови в его старом, усталом теле.

Что ж, Уингейту придется уехать и тому, кого они называют Сэтчелом, тоже. Но он не продаст их на Юг. Нет, нет, он никогда не поступал так ни с одним из своих людей. Он с отвращением подумал об огромных, напоминающих фабрики плантациях в нескольких милях к югу от полюса, где температура всегда на двадцать-тридцать градусов выше, чем на его болотах, и смертность среди рабочих составляет нормальную статью в калькуляции стоимости урожая. Нет, он отвезет их и продаст на вербовочной станции. Кто их там купит — уже не его дело. Но он не продаст их прямо на Юг.

Ему пришла на ум новая мысль. Он стал что-то вычислять и решил, что ему, быть может, удастся за контракты этих двух не выдохшихся еще рабочих получить достаточно денег, чтобы купить для Аннек билет на Землю. Он был уверен, что его сестра примет Аннек, вернее, почти уверен, хотя она поссорилась с ним из-за его женитьбы на матери Аннек. Время от времени он мог бы посылать дочери немного денег. И, может быть, она сумеет там стать секретаршей или получит еще какую-нибудь превосходную профессию, как другие девушки на Земле.

Но как тоскливо будет на ферме без Аннекхен! Он был так погружен в свои тяжелые думы, что не услышал, как его дочь выскользнула из своей комнаты и вышла во двор.

На следующее утро, собираясь на работу, Уингейт и Хартли притворились удивленными, когда их оставили в бараке. Джимми было приказано явиться в Большой дом; они увидели его несколькими минутами позже — он выкатывал из сарая «Ремингтон». Джимми захватил их с собой, затем подкатил назад к Большому дому и стал ждать патрона. Вскоре вышел Ван-Хайзен и, не сказав никому ни слова и ни на кого не взглянув, влез в свою кабину.

«Крокодил» взял направление на Адонис, тяжело и шумно двигаясь со скоростью десять миль в час. Уингейт и Сэтчел беседовали вполголоса и с любопытством чего-то ждали. После томительно долгого ожидания Джимми вдруг остановил «крокодил». Ван-Хайзен поднял окошко кабины.

— Что случилось? — спросил он. — Машина испортилась?

Джимми ответил ему с усмешкой: — Нет, я сам остановил ее. — Зачем? Выйдите, тогда

узнаете.

— Я так и сделаю, черт возьми! — Окошко захлопнулось: Ван-Хайзен стал протискиваться своим жирным телом в узкие двери кабины. — Это что за дурацкие штуки? — Лучше вылезайте и идите пешком, патрон. Вашему путешествию — конец.

Ван-Хайзен, казалось, лишился дара речи, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

— Я говорю серьезно, — продолжал Джимми. — Это — конец путешествия для вас. Я всю дорогу держался твердой почвы, чтобы вы могли вернуться назад пешком. Идите по следу, который я проложил. Вы сможете проделать этот путь за три-четыре часа, хоть вы и такой жирный.

Патрон перевел глаза с Джимми на других. Уингейт и Сэтчел наступали на него, их глаза были недружелюбны.

— Лучше ступайте, папаша, — сказал Сэтчел мягко, — пока вас не выкинули головой вперед.

Ван-Хайзен прижался спиной к перилам машины, схватившись за них руками.

— Я не покину моего собственного судна, — прохрипел он.

Сэтчел поплевал на ладонь, затем стал потирать руки.

— Ладно, Хэмп, он хотел этого...

— Постой минутку. — Уингейт обратился к Ван-Хайзену.

— Послушайте, патрон Ван-Хайзен, мы не хотим обойтись с вами грубо, если не будем к этому вынуждены. Но нас трое, и мы полны решимости. Лучше вылезайте без скандала.

С лица старика градом лил пот и, очевидно, не только от удушающей жары. Его грудь бурно поднималась, казалось, он готов к сопротивлению. Вдруг внутри у него будто что-то погасло. Все его тело обмякло, выражение лица, до этого вызывающее, стало настолько пришибленным, что на него было неприятно смотреть.

Не говоря больше ни слова, Ван-Хайзен перелез через борт, ступив прямо в грязь, которая была ему по щиколотку. Он долго стоял там, сутулый, с согнутыми коленями...

Когда они были уже далеко от места, где бросили своего хозяина, Джимми повернул «крокодил» в другом направлении.

— Дойдет он, как ты думаешь? — спросил Уингейт.

— Кто? Ван-Хайзен? Вероятно... Конечно, дойдет... — Он был теперь всецело поглощен машиной. Она сползла вниз по склону и шлепнулась в судходный водоем. Через несколько минут болотная трава сменилась открытой водой; Уингейт увидел, что они находятся в широком озере, дальние берега которого терялись в тумане. Джимми взял курс по компасу.

Далекий берег оказался песчаной отмелью, скрывавшей заболоченный рукав. Некоторое время Джимми следовал по рукаву, затем остановил машину и неуверенно произнес:

— Это должно быть где-то здесь. — Он пошарил под брезентом, сложенным в углу пустого трюма, и вытащил широкое плоское весло. Затем подошел к перилам и, высунувшись, сильно ударил веслом по воде. Шлеп!.. Шлеп, шлеп... Шлеп!.. Он ждал.

Плоская голова амфибиеобразного туземца рассекла воду вблизи берега; он смотрел на Джимми светлыми веселыми глазами.

— Алло! — окликнул его Джимми. Туземец сказал что-то на своем языке. Джимми отвечал на том же говоре, вытягивая губы, чтобы воспроизвести странные клохчущие звуки. Туземец выслушал, а затем снова нырнул в воду. Он вернулся — по-видимому, следовало бы сказать, что она вернулась, через несколько минут, и с нею еще одна.

— Тигарек? с вождением сказала вновь прибывшая.

— Тигарек, когда прибудем на место, голубушка! — Джимми старался выиграть время. —

Вот... влезай! — Он протянул руку, туземка приняла ее, не человеческая, но все же странно приятная фигурка грациозно взвилась на борт. Она легко уселась на перила, рядом с механиком. Джимми пустил машину полным ходом.

Как долго вел их маленький лоцман, Уингейт не знал — часы на пульте управления были испорчены, но его желудок подсказал ему, что это продолжается уже слишком долго. Он порылся в кабине и вытащил оттуда скудный рацион, который поделил с Сэтчелом и Джимми. Предложил немного еды и туземке, но она понюхала ее и отвернула голову.

Вскоре после этого вдруг раздался свистящий звук, и в десяти ярдах впереди них поднялся столб дыма. Джимми сразу остановил судно.

— Не стреляйте! — крикнул он, — Это мы, ребята!

— Кто вы такие? — раздался невидимый голос.

— Путешественники!

— Вылезайте, чтобы мы могли вас видеть!

— Хорошо.

Туземка толкнула Джимми в бок.

— Тигарек! — заявила она твердо.

— А? Да, конечно. — Он стал отсыпать ей табак, пока она не признала количество достаточным, затем прибавил пачку сигарет.

Туземка вытащила из-за левой щеки веревку, завязала свою добычу и скользнула за борт. Они увидели, как она поплыла, подняв пакет высоко над водой.

— Живей, покажитесь! — торопили их из зарослей.

— Мы идем! — Они вылезли в воду, которая была им по пояс, и пошли вперед, держа руки над головой. Отряд в составе четырех человек вышел из укрытия и осмотрел их, держа оружие наготове. Старший разведчик обыскал карманы их рабочих штанов и послал одного из солдат осмотреть «крокодил».

— У вас строгая охрана, — заметил Уингейт.

Старший разведчик взглянул на него.

— И да и нет, — сказал он. — Этот маленький народец сообщил нам, что вы плывете. Они стоят всех сторожевых псов на свете!

Они снова отправились в путь. Теперь машиной управлял один из разведчиков. Их конвоиры не были недружелюбны, но и не желали разговаривать.

— Подождите, пока вас примет Начальник, — отвечали они на вопросы.

Местом их назначения оказалась широкая полоса довольно высоко расположенной равнины. Уингейт был поражен, когда увидел множество строений и массу народа.

— Как же они могут сохранить такое место в тайне? — спросил он Джимми.

— Если бы штат Техас был покрыт вечным туманом, а жителей было бы столько, сколько в Уокегана или в Иллинойсе, вы тоже могли бы там многое скрыть!

— Но разве все это не обозначено на карте?

— На карте Венеры? Не будьте наивным.

На основании нескольких слов, которыми он раньше обменялся с Джимми, Уингейт ожидал увидеть лагерь беглых рабочих, которые скрываются в зарослях и находят случайное пропитание в окружающих болотах. Но он обнаружил здесь культуру и энергичную администрацию. Правда, это была примитивная поселенческая культура и несложное административное устройство, с малым числом законов и неписаной конституцией, но зато тут действовала система правил общежития. Нарушители подвергались наказанию, не более несправедливому, чем на Земле.

Хэмпфри Уингейта поразило, что беглые рабы — пена, выброшенная с Земли человеческим

прибоем, — были способны создать общество. Его предков удивляло, когда ссыльные уголовники с Ботани Бэй развили высокую цивилизацию в Австралии. Уингейта феномен Ботани Бэй, конечно, не удивлял: это принадлежало истории, а история никогда не вызывает удивления, если она уже свершилась.

Успех этой колонии стал понятнее Уингейту, когда он больше узнал о характере Начальника, который был вдобавок и генералиссимусом, и верховным судьей, избираемым всей общиной. В качестве судьи Начальник выносил решения, не скрывая своего отвращения к системе свидетельских показаний и к теории права, что напоминало Уингейту рассказы, слышанные им об апокрифическом старом судье Бине: но общине это, как видно, нравилось.

Чаще всего Начальнику приходилось выносить решения по поводу инцидентов, вызываемых большим недостатком женщин в колонии (мужчин было втрое больше). Уингейту пришлось признать, что тут действительно возникала ситуация, в которой традиционный обычай мог быть только источником бед: он восторгался пронизательностью, здравым смыслом и знанием человеческой природы, с какой Начальник разбирался в сильных человеческих страданиях, создавая условия для терпимого сосуществования. Человек, которому удавалось сохранить мир при таких обстоятельствах, не нуждался в юридическом образовании.

Начальник избирался всеобщим голосованием, а его советниками были члены выборного совета. Уингейт был убежден, что Начальник мог бы стать во главе любого общества. Этот человек обладал беспредельной энергией, большой жизненной силой, у него был громогласный смех, смелость и умение выносить решения. Он был «натурализованным» жителем Венеры.

Трем беглецам было предоставлено несколько недель отдыха, чтобы прийти в себя и найти себе занятие, которое было бы полезно для общины и обеспечило бы их самих. Джимми оставался при своей машине, конфискованной для общины. По молчаливому согласию, существовавшему в общине, тот, кто привел машину, имеет право ею управлять. Сэтчел получил назначение на работу в поле и делал почти то же, что у Ван-Хайзена. Он признался Уингейту, что теперь ему приходится трудиться больше, но все же он был доволен, потому что, как он выразился, «здесь как-то свободнее».

Мысль о том, чтобы вернуться к сельскому хозяйству, внушала Уингейту отвращение, хотя для этого у него не было никаких разумных оснований. Однако на этот раз его опыт в области радио сослужил ему хорошую службу. Община имела временную маломощную радиостанцию, которая постоянно использовалась для перехватов, но редко для передач из опасения, как бы община не была обнаружена. Прежде лагеря беглых рабов нередко уничтожались полицией Компании вследствие неосторожного пользования радио. Поэтому в общине осмеливались включать радиопередатчик только в случае крайней необходимости.

Но без радио им обойтись было трудно. Помощь маленького народца давала им возможность поддерживать контакт с другими общинами беглецов, но это была крайне ненадежная связь, и обычно сообщения, кроме самых простых, искажались до неузнаваемости.

Когда обнаруживалось, что у Уингейта были соответствующие технические познания, ему была доверена радиоаппаратура общины. Предыдущий радиотехник пропал без вести в зарослях. Помощником Уингейта был приятный старик по кличке Доктор, который мог слушать сигналы, но ничего не понимал в эксплуатации и ремонте радиоаппаратуры.

Уингейт горячо взялся за исследование устаревшей установки. Проблемы, возникавшие у него из-за нехватки оборудования, и необходимость пустить в ход радиостанцию, доставляли ему такое удовольствие, какого он не испытывал с тех пор, как был мальчишкой.

Он с увлечением пытался сделать радиосвязь безопасной. Его захватила идея, заимствованная из какого-то описания эпохи первых шагов радио. Его радиоустановка, как и все другие, действовала на основе модуляции частот. Он где-то нашел чертеж передатчика

совершенно устаревшего типа. Не имея почти никаких деталей, чтобы продолжать свои опыты, он выработал схему, которая, как ему казалось, должна будет действовать и сможет быть присоединена к имеющемуся у него аппарату.

Он попросил у Начальника разрешения проделать необходимые опыты.

— Почему же нет? — прогремел в ответ Начальник. — Я не имею ни малейшего представления о вещах, о которых вы говорите, голубчик, но если вы считаете, что можно построить радиостанцию, которую Компания не обнаружит, возьмитесь за это. Вам бы не надо и спрашивать меня, это — ваше дело!

Проблема была более сложной, чем Уингейт себе представлял. Он работал над ней, пользуясь неловкой, но беззаветной помощью Доктора. Первые схемы соединений Уингейту не удались; но пять недель спустя, после сорок третьей попытки, схема уже действовала. Доктор, находившийся в зарослях на расстоянии нескольких миль, сообщил, что ему удалось услышать передачу при помощи маленького специально сконструированного приемника.

Одновременно Уингейт работал над своей книгой. Он не мог бы сказать, зачем он ее пишет. Пожалуй, ее можно было назвать политическим памфлетом против колониальной системы. Но здесь ему некого было убеждать в правильности своих тезисов; не мог он также ожидать, что когда-нибудь предложит книгу вниманию читающей публики. Теперь его родиной была Венера. Он знал, что у него нет никаких шансов вернуться; единственный путь лежал через Адонис, а там его ожидал ордер на арест за все преступления, значащиеся в кодексе, — нарушение контракта, хищение, увод, заговор. Если бы полиция Компании его поймала, она заточила бы его в тюрьму на веки вечные.

Нет, книга возникла не потому, что он надеялся ее опубликовать, но вследствие полусознанной потребности привести в порядок свои мысли. Он произвел полную переоценку ценностей, которыми прежде жил; для его душевного покоя было необходимо сформулировать новые. Для его педантичного, лишённого особенного воображения ума было естественным желание изложить на бумаге все свои соображения и заключения.

Несколько неуверенный в себе, он показал рукопись Доктору. Он знал, что прозвище этого человека связано с его прежней профессией на Земле. Доктор был профессором экономики и философии в одном из университетов, и он рассказал ему кое-что о том, как он попал на Венеру.

— Маленькая история, в которой была замешана одна из моих студенток, — признался он. — Моя жена заняла неблагоприятную позицию в этом деле, и так же поступило правление университета. Правление давно уже расценивало мои воззрения как слишком радикальные.

— А это так и было?

— О боже, нет! Я был твердокаменным консерватором, но у меня была неудачная манера выражать консервативные принципы скорее реалистическим, чем аллегорическим языком.

— Сейчас вы, вероятно, радикал?

Доктор слегка поднял бровь.

— Отнюдь нет! Радикал или консерватор — все эти термины существуют для эмоциональных позиций, а не для социологических воззрений.

Доктор взял рукопись, прочитал ее до конца и возвратил Уингейту без всяких замечаний. Но Уингейт настаивал, чтобы он сказал ему свое мнение.

— Ладно, если вы требуете, мой друг...

— Да.

— Я сказал бы, что вы впали в самое распространенное из всех заблуждений относительно социальных и экономических факторов — уверовали в «дьявольскую теорию»!

— Как вы сказали?

— Вы приписываете экономической подлости создание условий, являющихся просто следствием человеческой глупости. В колониальном рабстве нет ничего нового; это — неизбежный результат империалистической экспансии, естественный результат устарелой финансовой системы.

— Я подчеркиваю в моей книге роль, которую играют банки.

— Нет, нет и нет. Вы полагаете, что банкиры негодяи. Вовсе нет. Так же, как и служащие Компании, или патроны, или правящие классы там, на Земле, не являются негодяями. Людей вынуждает необходимость, и вот они вводят разные усовершенствования, которые оправдывали бы их действия. Это даже не алчность. Рабство экономически невыгодно, непродуктивно, но люди втягиваются в эту систему, как только обстоятельства вынуждают их к этому. Другая финансовая система... но это уже второй вопрос.

— Я все же думаю, что все это коренится в извращенности людей, сказал Уингейт упрямо.

— Не извращенность, а просто глупость. Я не могу доказать вам, но вы убедитесь сами.

Ввиду успеха «тихого радио» Начальник послал Уингейта в большую поездку по другим лагерям Свободной Федерации, чтобы и им помочь установить новое оборудование и научить, как с ним обращаться. Уингейт провел в поездке месяц, много работал и получил огромное удовлетворение от своей работы: свою поездку он закончил с приятным сознанием, что сделал для свободных людей в борьбе против их врагов больше, чем это могло быть достигнуто в результате кровавого сражения.

Когда он вернулся в свою общину, то нашел там ожидавшего его Сэма Хоустона Джонса. Уингейт бросился к нему.

— Сэм! — крикнул он. — Сэм! Сэм! — Он схватил его за руку, колотил по спине и осыпал его ласковыми ругательствами, как все сентиментальные люди, когда пытаются таким образом скрыть свои чувства. — Сэм! Ах ты, старый негодяй! Когда ты прибыл сюда? Как тебе удалось бежать? И как это ты, черт тебя побери, сумел проделать весь путь от Южного полюса? Или тебя перевели до того, как ты бежал?

— Здорово, Хэмп, — сказал Сэм, — А теперь спрашивай по порядку и не так быстро!

Но Уингейт продолжал возбужденно тараторить:

— Господи боже мой, как приятно видеть такого урода, старина! Как я рад, что ты приехал сюда, это замечательное место. У нас тут самое предприимчивое маленькое государство во всей Федерации. Оно тебе понравится. Здесь все — замечательные ребята!

— А ты у них кем будешь? — спросил Джонс, разглядывая его. Президентом местной торговой палаты?

Уингейт взглянул на него, затем рассмеялся.

— Я понял. Но серьезно, тебе здесь понравится. Разумеется, тут все иначе, чем на Земле, но Земля — это дело прошлое. Не лучше ли забыть о том, чего не вернешь, а?

— погоди минуту, тут явное недоразумение, Хэмп. Послушай, я не бежавший раб. Я здесь для того, чтобы увезти тебя домой.

Уингейт открыл рот, закрыл его, потом снова открыл.

— Но, Сэм, — сказал он, — это невозможно. Ты не знаешь!..

— Думаю, что знаю.

— Но ты ошибаешься. Для меня не может быть возврата. Если бы я вернулся, мне пришлось бы предстать перед судом, и они, несомненно, воздали бы мне по заслугам. Даже если бы я отдался на милость суда и сумел бы отделаться легким приговором, то прошло бы двадцать лет, прежде чем я был бы свободным человеком. Нет, Сэм, это невозможно. Ты не знаешь всех обвинений, которые мне предъявят.

— Я-то не знаю, а? Это обошлось мне в кругленькую сумму, пока я все распутал.

— Как?

— Я знаю, как ты бежал. Я знаю, что вы похитили «крокодил» и высадили своего патрона, что ты уговорил двух других батраков бежать вместе с тобой. Мне пришлось действовать самой тонкой лестью и дать, уже не буду говорить сколько отступного, чтобы уладить все дело. Господи помилуй, Хэмп, почему ты не совершил что-нибудь более невинное, например, убийство, изнасилование или ограбление почтовой конторы?

— Ну что ж, Сэм, то, что я совершил, я сделал не для того, чтобы причинить тебе хлопоты. Я совсем выкинул тебя из моих расчетов. Я действовал на собственный страх и риск. Мне, право, очень жаль твоих денег...

— Забудь об этом. Деньги не имеют для меня значения. Мне они достаточно опротивели; у меня их много просто потому, что я был осторожен в выборе родителей. Я пошутил, но, видно, это получилось не совсем удачно.

— Ладно, извини. — Смех Уингейта был несколько искусственный. Никто не любит благотворительности. — Но расскажи мне, что случилось. Я все еще пребываю в неизвестности.

— Хорошо.

Джонс был так же поражен и расстроен разлукой со своим другом после высадки в Адонисе, как и Уингейт. Но он знал, что ничего не сможет сделать, пока не получит помощь с Земли. Он много недель работал в качестве рабочего-металлиста на Южном полюсе в беспрестанном ожидании и ломая себе голову, почему сестра не отвечала на его обращения. Он написал ей несколько писем в дополнение к первой радиограмме, так как это был единственный род связи, который он мог себе теперь позволить. Но дни тянулись за днями, а ответа не было.

Когда он получил, наконец, радиограмму от сестры, все разъяснилось. Сестра не могла сразу получить его радиограмму, потому что она сама находилась не на Земле, а на борту той же самой «Вечерней Звезды», в каюте первого класса, под именем своей горничной. «Это — обычай моей семьи, чтобы избежать публичности, — пояснил Джонс. — Если бы я радировал не ей, а нашим поверенным, или если бы на корабле было известно настоящее имя сестры, мы бы встретились с ней в первый же день».

Радиограмма не была ей передана также и на Венере, потому что к тому времени планета проходила по другую сторону Солнца. Примерно на протяжении шестидесяти земных дней не было связи между Землей и Венерой. Радиограмма оставалась в конторе фирмы до тех пор, пока поверенным не удалось связаться с его сестрой.

Получив радиограмму, она подняла целую бурю. Джонс был освобожден, неустойка по его контракту уплачена, и достаточно крупная сумма денег переведена на его имя на Венеру менее чем за двадцать четыре часа.

— И это все, — закончил Джонс, — за исключением того, что мне придется по возвращении объяснить сестрице, как я попал в эту историю. Уж и задаст она мне трепку!

Джонс нанял ракету на Северный полюс и там сразу же напал на след Уингейта.

— Если бы ты задержался еще хоть на один день, я бы тебя застал. Мы нашли твоего бывшего хозяина примерно в одной миле от ворот его фермы.

— А, старая каналья все же добрался. Я очень рад.

— И слава богу, а то бы я не нашел тебя. Он был страшно изможден, и сердце его бешено колотилось. А ты знаешь, что на Венере бросить человека на произвол судьбы считается уголовным преступлением и с обязательным смертным приговором, если жертва умирает?

Уингейт кивнул.

— Да, я знаю. Правда, я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь патрон был наказан, если находили труп рабочего. Но это — между прочим. Продолжай.

— Ну вот. Он был ужасно обижен. Я его не виню, хотя и тебя не осуждаю. Никто не хочет быть проданным на Юг, а я догадываюсь, что ты ожидал именно этого. Итак, я заплатил ему за твой контракт — погляди на меня, я теперь твой новый владелец! — и за контракты двух твоих друзей. Все же он не был удовлетворен. Мне, наконец, пришлось добавить к этому билет первого класса на Землю для его дочери и пообещать найти ей работу. Полагаю, что наша фирма может себе позволить еще одну служащую. Как бы то ни было, старина, ты теперь свободный человек. Единственный вопрос разрешит ли нам Начальник уехать отсюда. Это как будто не полагается.

— Да, в том-то и дело. Кстати, я и забыл: как же ты нашел нашу общину?

— Пришлось заняться сыском, но это долго рассказывать. Вот потому-то я так и задержался. Рабы не любят болтать. Во всяком случае, Начальник назначил нам прием на завтра.

Уингейт долго не мог уснуть. После первого взрыва бурной радости он начал размышлять. Действительно ли он хочет вернуться? Вернуться к закону, к специфической терминологии, к действиям в интересах той стороны, которая его нанимает, к бессмысленным светским обязанностям, к пустой, бесплодной, полной всякого вздора жизни богатого, преуспевающего класса, в среде которого он родился и которому служил? Хотел ли он этого, он, который боролся и трудился среди настоящих людей? Ему казалось, что устаревшее маленькое «изобретение» в области радио представляло собой большую ценность, чем все, что он когда-либо делал на Земле.

Затем он вспомнил о своей книге. Может быть, он мог бы добиться ее опубликования? Не исключено, ему удалось бы разоблачить позорную, бесчеловечную систему продажи людей и законное рабство? Сон разом слетел с него. Вот где его ожидало настоящее дело! Он должен вернуться на Землю и защищать права рабочих-эмигрантов. Возможно все же, что судьба предопределяет жизнь человека. Может быть, он как раз тот избранник, которому удастся это сделать: подходящее социальное положение, большой опыт... Он может заставить себя слушать!

Уингейт заснул, и ему снился прохладный, сухой ветерок, ясное голубое небо, лунный свет...

Сэтчел и Джимми решили остаться на Венере, хотя Джонс мог бы договориться с Начальником и об их отъезде. «Да ведь дело в том, — сказал Сэтчел, — что нас там, на Земле, ничего не ожидает, не то мы просто не уехали бы оттуда. И, кроме того, нельзя же вам взять на себя содержание еще двух безбилетных пассажиров! Да здесь вовсе не так уж плохо. Когда-нибудь тут будет замечательно. Мы останемся здесь и будем расти вместе с общиной!»

Они повезли Джонса и Уингейта в Адонис. В этом теперь не было опасности, ибо Джонс официально стал их владельцем. «Крокодил» возвратился из Адониса в общину, нагруженный различными товарами, которые, как настоял Джонс, должны были считаться их выкупом. В сущности, разрешение, данное Начальником, никогда не рисковавшим тайнами своих доверителей, было получено именно потому, что его привлекла возможность послать надежного и не вызывающего подозрения властей агента за запасами, в которых община сильно нуждалась. Начальник отнюдь не был заинтересован в планах Уингейта начать борьбу за отмену работорговли.

Прощание с Сэтчелом и Джимми оказалось для Уингейта более тяжелым и грустным, чем он мог ожидать.

В первые дни и недели по возвращении на Землю Уингейт и Джонс были слишком заняты, чтобы часто встречаться. За время обратного путешествия Уингейт обработал свою рукопись и теперь проводил целые дни, знакомясь с приемными издателями. Только один из них проявил к

нему больший интерес, чем того требовало формальное письмо с отказом.

— Мне очень жаль, мой друг, — сказал ему этот издатель. — Я охотно опубликовал бы вашу книгу, несмотря на ее спорный характер, если бы она имела хоть малейший шанс на успех. Но, откровенно говоря, она не имеет никаких литературных достоинств. Я охотнее прочитал бы краткое резюме.

— Я вас понимаю, — ответил Уингейт сердито. — Крупная издательская фирма не может себе позволить печатать то, что вызовет раздражение у сильных мира сего.

Издатель вынул сигару изо рта и взглянул на молодого человека, прежде чем ответить.

— Я, очевидно, должен был бы обидеться, но я не обижаюсь. Все это широко распространенное недоразумение. Сильные мира сего, как вы их называете, не прибегают к насилию в нашей стране. Мы издаем то, что публика будет покупать, для этого мы и занимаемся изданием книг. Я предложил бы вам, если вы меня послушаетесь, один способ привлечь к вашей книге внимание читающей публики. Вам нужен соавтор, человек, владеющий искусством писать книги, он сделает вашу книгу интересной.

Как раз в тот день, когда Уингейту вернули от его тайного соавтора переработанную рукопись, его посетил Джонс.

— Сэм, — обратился к нему Уингейт. — Погляди, что эти грязные пачкуны сделали с моей книгой! Слушай: «...Я снова услышал свист бича надсмотрщика. Хилое тело моего товарища покачнулось от удара. Он закашлялся и медленно соскользнул в воду, доходившую ему до пояса; цепи на ногах потянули его вниз». Честное слово. Сэм, ты когда-нибудь слышал подобный вздор? И взгляни на новое название книги: «Я был рабом на Венере!» Это звучит как признание в суде. Джонс молча кивнул.

— Послушай-ка это, — продолжал Уингейт. Рабыни, «битком набитые в тесном помещении, как скот в загоне, с обнаженными телами, блестящими от пота, отпрянули от...» — о черт, я не могу читать дальше!

— Да ведь на них ничего и не было надето, кроме рабочих штанов!

— Да, но это не имеет никакого отношения к делу. Костюм работниц Венеры — это необходимость в тех климатических условиях. Нет оснований ухмыляться по этому поводу. Этот человек превратил мою книгу в идиотскую эротическую писанину, и у него хватает наглости защищать свой текст! Он утверждает, что полемическую брошюру на социальную тему надо писать сочным языком.

— Ну что ж, он, может быть, и прав в некотором отношении. В «Путешествиях Гулливера» имеется несколько колоритных эпизодов, а сцены бичевания в «Хижине дяди Тома» отнюдь не подходящее чтение для детей, не говоря уже о «Гроздьях гнева».

— Будь я проклят, если прибегну к такого рода дешевой сенсации. Я борюсь за честное дело, которое каждый может понять.

— Так ли это? — Джонс вынул трубку изо рта. — Интересно, сколько пройдет времени, пока у тебя откроются глаза. Что представляет собой твое дело? В нем нет ничего нового; то же самое происходило на Старом Юге, а затем в Калифорнии, в Мексике, в Австралии, в Южной Африке. Почему? Потому что в условиях свободного предпринимательства, когда денежная система не может удовлетворить его нужды, использование капитала метрополии для развития колоний неизбежно приводит к снижению жизненного уровня в стране и к рабскому труду в колониях. Богатые становятся богаче, а бедные беднее. Любая добрая воля как называемых правящих классов не изменит этого положения, потому что основная проблема требует научного анализа и математического ума. Ты полагаешь, что сможешь объяснить эти проблемы широкой публике? — Я могу попытаться.

— А чего я достиг, когда пытался разъяснить это тебе, до того, как ты своими глазами

увидел последствия? А ты ведь — малый не дурак. Нет, Хэмп, эти вещи слишком трудно объяснить людям; они слишком абстрактны, чтобы заинтересовать кого бы то ни было. Ты ведь на днях выступал в женском клубе?

— Да.

— И что же, ты имел успех?

— Да, вот... Председательница позвонила мне заранее и попросила ограничить мое выступление десятью минутами, так как должна прибыть президентша и у них будет мало времени в запасе.

— Хм... Ты видишь теперь, с чем конкурируют твои великие социальные откровения! Но это не беда. Десяти минут вполне достаточно, чтобы объяснить эту проблему человеку, если он способен ее понять. Ты кого-нибудь убедил?

— Да... Я не уверен.

— Ты меня не убеждай, что не уверен! Может быть, они тебе и хлопали, но сколько человек подошли к тебе после выступления и выразили желание подписать чеки? Нет, Хэмп, благоразумные рассуждения никуда не приведут тебя в этом развращенном мире. Для того чтобы заставить себя слушать, ты должен быть демагогом или политическим проповедником, вроде этого типа Нехемии Скэддера. Мы весело и с треском несемся на всех парах в преисподнюю, и это не прекратится, пока все не провалится ко всем чертям!

— Но... О черт, что же мы можем сделать?

— Ничего. Все должно стать гораздо хуже, прежде чем стать немного лучше. Давай выпьем!